
Ги де
Мопассан
Три версии "Орля"

Три версии «Орля»
Ги де Мопассан

Аннотация
Ги де Мопассан. ТРИ ВЕРСИИ «ОРЛЯ»
ПРЕДИСЛОВИЕ
ПИСЬМО БЕЗУМЦА
ОРЛЯ
ОРЛЯ. (Окончательная версия)
Приложение. Ю. Данилин. КОММЕНТАРИИ К «ОРЛЯ»
Примечания

Аннотация

Великолепная новелла Г. де Мопассана «Орля» считается классикой вампирической и «месмерической» фантастики и в целом литературы ужасов. В издании приведены все три версии «Орля» — включая наиболее раннюю, рассказ «Письмо безумца» — в сопровождении полной сюиты иллюстраций В. Жюльяна-Дамази и справочных материалов.

Ги де Мопассан
ТРИ ВЕРСИИ «ОРЛЯ»

1819–2019
ВАМПИРСКАЯ СЕРИЯ
к 200-летию со дня публикации
«Вампира» Д. Полидори

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXXVI

Salamandra P.V.V.

Ги де
МОПАССАН

ТРИ ВЕРСИИ «ОРЛЯ»

Salamandra P.V.V.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Орля» («Le Horla»), знаменитая и включенная во многие антологии новелла Ги де Мопассана (1850–1893), была впервые опубликована в Gil Bias 26 октября 1886 г. Г. Ф. Лавкрафт отзывался о новелле как о «напряженном повествовании, не имеющем равных в своей области»[1] (Сверхъестественный ужас в литературе, 1927); по мнению же Эверетта Ф. Блейлера[2], это — «классика психопатологии» (Guide to Supernatural Fiction, 1983).

«Орля» — возможно, самая известная из коротких ужасных историй Мопассана — сочетает темы разумного и невидимого потустороннего существа (что ранее разрабатывалось Фитц-Джеймсом О'Брайеном в рассказе «Что это

---

[1] Примечания: 1

Г. Ф. Лавкрафт отзывался о новелле... — Вероятно, целесообразно привести весь фрагмент о Мопассане из «Сверхъестественного ужаса в литературе»:

«Ужасные истории могучего и циничного Ги де Мопассана, написанные, когда им уже постепенно овладевало смертельное безумие, стоят особняком; это скорее болезненные излияния реалистического ума в патологическом состоянии, чем плоды здорового воображения, естественным образом предрасположенного к фантазии и чувствительного к нормальным иллюзиям незримого. Тем не менее, они обладают мучительной остротой и вызывают большой интерес, с великолепной силой представляя угрозу безымянных ужасов и непрестанное преследование несчастного человека отвратительными и ужасающими созданиями внешней тьмы. Из этих рассказов „Орля“ считается шедевром. В нем говорится о появлении во Франции неви-

димого существа, которое живет на воде и молоке, управляет чужим разумом и, похоже, представляет собой часть передового отряда орды внеземных организмов, явившихся на Землю, чтобы раздавить и покорить человечество; это напряженное повествование не имеет равных в своей области, несмотря на то, что детали, связанные с описанием присутствия невидимого чудовища, обнаруживают зависимость от рассказа американца Фитц-Джеймса О'Брайена. Из числа других мрачных и впечатляющих творений Мопассана назовем „Кто знает?“, „Призрак“, „Он“, „Дневник безумца“, „Белый волк“, „На реке“ и страшное стихотворение под названием „Ужас“».

[2] Примечания: 2

…*Эверетта Ф. Блейлера* — Э. Ф. Блейлер (1920–2010) — известный американский литературовед, библиограф, составитель ряда антологий, специалист по фантастической и детективной литературе.

было?», 1859), месмеризма, психического вампиризма и нарастающего экзистенциального ужаса. Мопассан дважды значительно переработал исходную версию, всякий раз увеличивая и размер, и мастерство повествования. Окончательная и наиболее впечатляющая версия была опубликована в его сборнике Le Horla (1887). Первый известный английский перевод появился в книге Modern Ghosts под редакцией и с предисловием Джорджа У. Куртиса, куда вошли переводы Джонатана Стерджеса (1890).

«Орля» разворачивается как ряд дневниковых записей неназванного рассказчика. В первой записи рассказчик наблюдает за кораблями, проплывающими мимо его дома на реке — идиллическая сцена, наполненная радостью жизни. Но уже вторая запись погружает нас в то, что сегодня можно назвать «лавкрафтовским дискурсом». Рассказчик задумывается над ограниченностью «жалких органов чувств… которые не умеют видеть ни слишком малого, ни слишком большего». Эти размышления приводят его к угнетенности, усталости и слабости, симптомам сонного паралича, переходящим в ощущение надвигающейся и неотвратимой беды. Рассказчик начинает подвергать сомнению собственное

восприятие и постепенно начинает верить, что в его доме обитает невидимое существо, позднее определяемое как вампир. Протагонист понимает, что является пленником, что над всеми его мыслями и действиями, как в случае месмеризма, властвует незримый мучитель — Орля. Рассказчик пытается уничтожить Орля: устанавливает железные ставни и поджигает свой дом. Глядя на горящий дом, он задумывается, способен ли огонь убить неуязвимого Орля — и приходит к выводу, что единственный реальный способ спасения заключается в самоубийстве.

Рассказчик «Орля» одержим мыслями об ограниченной достоверности восприятия и хрупкости человеческого разума. Многие критики связывают психоз протагониста со страхами самого Мопассана перед подступающим безумием; некоторые даже ошибочно заявляют, что Мопассан написал «Орля» в состоянии сумасшествия.

Мопассан заболел сифилисом, когда ему еще не исполнилось тридцати; с тех пор его физическое и душевное здоровье продолжало ухудшаться. Через пять лет после публикации «Орля» Мопассан утратил рассудок. В январе 1892 г. он попытался покончить жизнь самоубийством в своем доме в Каннах, разрезав себе горло бритвой. Вскоре

он был помещен в частную лечебницу в Пасси (Париж), где скончался 6 июля 1893 г. Однако, как указывает Арнольд Келлет, Мопассан писал «не как душевнобольной, но как человек, приближающийся к границам безумия и ужасающийся возможности сумасшествия» (Tales of Terror, 2008). У Мопассана имелся и иной опыт столкновения с безумием: его младший брат Эрве также утратил душевное равновесие и был в конце концов помещен в клинику для умалишенных.

Происхождение слова «Орля» остается неясным, хотя Келлет и другие считают его неологизмом, образованным из французских слов hors («вовне») и là («там»); таким образом, Орля — существо, недоступное человеческому пониманию[3].

Первым обращением Мопассана к темам будущей новеллы «Орля» был рассказ «Письмо безумца», напечатанный в литературном издании Gil Bias 17 февраля 1885 г. Эта ранняя версия вращается вокруг философского вопроса — как «свойства наших органов чувств» определяют для

---

[3] Примечания: 3

Происхождение слова «Орля» остается неясным… пониманию — Критики и интерпретаторы предложили немало других объяснений этого неологизма, возводя его, напр., к «hors la loi» («вне закона») или нормандск. «horsain» («чужак, посторонний»).

нас кажущиеся «свойства материи». Подобные тревожные мысли предвосхищают, судя по всему, чувство отчаяния рассказчика и пришествие Орля; в окончательной версии источником депрессии и тревоги становится собственно Орля.

Вторая версия, называвшаяся «Орля», была опубликована в Gil Bias 26 октября 1886 г. К концу ее рассказчик убеждает психиатра в существовании Орля, что несколько подрывает драматическое отображение его одинокого безумия.

Новелла «Орля» повлияла, вероятно, на рассказ Амброза Бирса «Проклятая тварь» (1893), где также рассматривается ограниченность человеческого восприятия (в данном случае речь идет о цвете, находящемся вне воспринимаемого нами спектра)[4]. Как и Орля, «проклятая тварь» Бирса остается невидимой для обычного человеческого глаза. Вероятно, новелла повлияла и на Лавкрафта: в «Цвете иного мира» (1927) и «Данвичском ужасе» (1928) использован мотив невидимого чудовища. Лавкрафт, что еще показательней, во

[4] Примечания: 4

Новелла «Орля» повлияла… — Насколько нам известно, исследователи не отметили еще одно важное «влияние»: прибытие Орля во Францию на бразильском корабле, вероятно, вдохновило один из ключевых эпизодов «Дракулы» Б. Стокера, а именно морское путешествие Дракулы в Англию. Влияния «Орля» прослеживаются также в фантастике М. Уэллмана и, конечно, в рассказе Р. Шекли «Новая Орля» (2000).

многих лучших своих произведениях, в том числе «Зове Ктулху» (1926), постоянно использовал идею нечеловеческих созданий, властвующих над людьми.

Одним из эпизодов Mysteries in the Air (21 августа 1947 г.) стала радиопостановка «Орля» с Питером Лорре[5] в роли рассказчика. Постановка увлекательна и близка к оригиналу, и Лорре в своей роли подобающе маниакален. «Дневник безумца», фильм Реджинальда ле Борга с Винсентом Прайсом[6] в главной роли (студия «Юнайтед артистс», 1963, 96 минут) также можно назвать увлекательной, хотя и достаточно вольной экранизацией. Фильм следует основной теме провала человека в безумие, однако глас Орля очеловечен и ему придана невероятная злобность, напоминающая Клода Рейнса в «Человеке-невидимке»

---

[5] Примечания: 5

…Питером Лорре — П. Лорре (наст, имя Л. Лёвенстайн, 1904–1904) — австрийский и американский актер театра и кино, режиссер, сценарист; много играл в триллерах, детективных и приключенческих фильмах.

[6] Примечания: 6

…фильм Реджинальда де Борга с Винсентом Прайсом — Р. ле Борг (1902–1989) — австрийский режиссер, снявший около 70 кинофильмов и памятный зрителям по серии малобюджетных фильмов ужасов студии «Юниверсал»; В. Прайс (1911–1993) — американский актер, с 1950-х гг. часто снимался в фильмах ужасов. Это не единственная экранная или театральная адаптация «Орля»: так, можно назвать четыре французских телефильма 1966–2009 гг. и четыре французских же сценических постановки 2010–2018 гг.

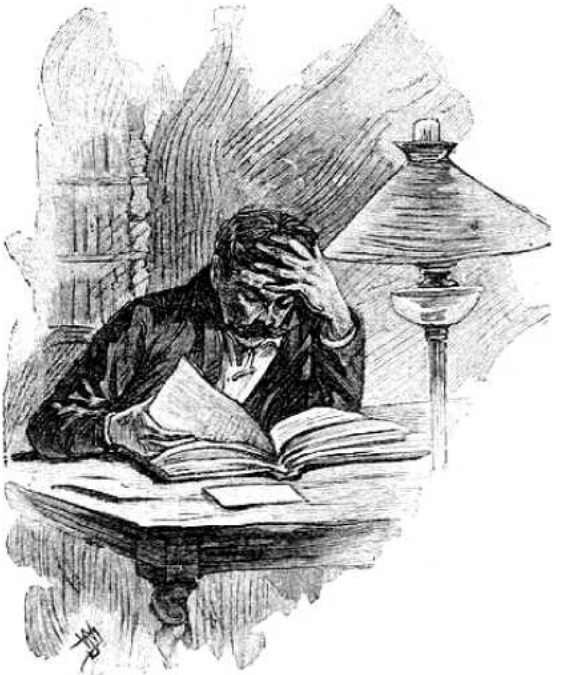
Джеймса Уэйла (1933).
Брайан Д. Шауэрс

ПИСЬМО БЕЗУМЦА

Пер. С. Шаргородского

Дорогой мой доктор, я полностью предаю себя в ваши руки. Поступайте со мною, как сочтете нужным. Я намерен откровенно поведать вам о том странном состоянии духа, в котором я пребываю. Предоставляю вам решить, не предпочтительней ли будет для меня провести некоторое время в клинике, чем подвергать себя неотступным видениям и терзаниям.

Вот подробный рассказ, со всех точностью описывающий непредставимое несчастие, что постигло мою душу.



Я жил, как и все на свете, глядя на жизнь широко раскрытыми и слепыми человеческими глазами, ничему не удивляясь и ничего не понимая. Я жил, как живут звери, как живем мы все, механически осуществляя все функции существования, разглядывая и осмысляя мир и полагая,

что вижу, полагая, что понимаю и знаю все то, что меня окружает, — пока в один прекрасный день не осознал, что все это лживо и обманчиво. Мысли мои прояснила одна фраза Монтескье. Он говорил: «Если бы наш организм был другим, то и все законы, основанные на его теперешнем строении, были бы другими»[7].

Я размышлял над этим месяц за месяцем, и мало-помалу на меня снизошла странная ясность, и ясность эта предвещала тьму.

Если вдуматься, наши органы чувств действительно являются единственными посредниками между нами и внешним миром. Иными словами, внутреннее существо, составляющее *меня*, соприкасается несколькими нервными окончаниями с существом внешним, составляющим мир.

Однако, помимо того, что внешнее существо ускользает от нашего понимания благодаря своим размерам, длительности, бесчисленным и темным для нас свойствам, своим истокам, началу, будущему и концу, далеким формам и бесконечным проявлениям, наши чувства сообщают нам лишь грубые его очертания, и сведения

[7] Примечания: 7

…«Если бы наш организм… другими» — Цит. из «Опыта о вкусе в произведениях природы и искусства» французского философа и писателя Ш. же Монтескье (1689–1775).

их столь же недостоверны, сколь малочисленны.

Недостоверны потому, что именно свойства наших органов чувств определяют явленные нам свойства материи.

Малочисленны потому, что чувств у нас только пять и сфера их применения, как и характер их откровений, остаются весьма ограниченными.

Позвольте мне объяснить. Глаз показывает нам размеры, формы и цвета. И во всех трех случаях глаз нас обманывает.

Зрение способно показать нам лишь объекты и существ среднего размера, пропорционального размерам человека, что побуждает нас называть определенные вещи «большими», а другие «маленькими», и все это только потому, что недостатки зрения не позволяют нам воспринять вещи слишком грандиозные или крошечные. Отсюда следует, что человек почти ничего не видит и не понимает, что почти вся Вселенная, от звезды, горящей в космическом просторе, до инфузории, обитающей в капле воды, остается сокрытой от него.

Но если бы наше зрение было и в сотню миллионов раз острее, если бы мы могли различать в воздухе, которым дышим, всевозможных невидимых существ, видеть обитателей соседних

планет, для нас все равно остались бы невидимы неисчислимые виды микроскопических созданий и бесконечно далекие от нас миры.

Итак, все наши представления о пропорциях ошибочны, поскольку нет предела великому и малому.

Наши оценки размеров и форм не имеют абсолютной ценности, так как определяются исключительно зоркостью органов зрения и постоянными сравнениями с нами самими.

Стоит прибавить, что глаз также не в состоянии видеть прозрачность. Безупречно чистое стекло обманывает зрение. Глаз не отличает стекло от воздуха, который в свою очередь не видит.

Перейдем к цвету.

Цвет существует, поскольку наш глаз устроен так, что передает в мозг, в виде цвета, мириады способов, какими различные тела, в согласии с их химическим составом, поглощают и разлагают падающие на них световые *лучи.*

Разнообразные степени этого поглощения и разложения представляют собой оттенки.

Итак, органы зрения навязывают сознанию свой способ видеть или, правильней сказать, произвольный метод определения размеров и оценки соотношений света и материи.

Рассмотрим слух.

Причудливые органы слуха играют с нами, обманывают нас еще заметней, чем глаза.

Два тела, сталкиваясь, производят известное сотрясение воздуха[8]. Это движение заставляет дрожать маленькую кожицу у нас в ухе, и она мгновенно превращает в звук то, что на самом деле является лишь вибрацией.

Природа нема. Но барабанная перепонка обладает чудодейственным свойством наделять смыслом, причем смыслом различным, зависящим от количества вибраций, все эти содрогания невидимых волн пространства.

Метаморфоза, осуществляемая слуховым нервом на протяжении краткого путешествия вибраций от уха до мозга, позволила нам создать особое искусство — музыку, самое поэтичное и точное из искусств, искусство расплывчатое, как сон и выверенное, как алгебра.

Что сказать о вкусе и обонянии? Ведали бы мы ароматы и вкус пищи, не обладай мы странными качествами носа и нёба?

---

[8] Примечания: 8

Два тела, сталкиваясь… — Нижеследующие рассуждения о слухе, с некоторыми изменениями и дополнениями, перенесены Мопассаном в «Письмо безумца» из рассказа «Сумасшедший?» (1884), где затрагиваются некоторые близкие к «Орля» темы.

Однако могло бы случиться так, что человечество было бы лишено слуха, обоняния и вкусовых восприятий, то есть не имело ни малейшего понятия о звуке, цвете и вкусе.

В таком случае, будь у нас меньше органов чувств, мы не знали бы о многих замечательных и необыкновенных вещах. Но будь этих органов больше, и мы открыли бы вокруг бесконечное множество других вещей, о существовании которых мы даже не подозреваем, так как не имеем возможности их обнаружить.

Следовательно, мы ошибаемся, рассуждая об Известном, ибо мы окружены неведомым и неизвестным.

И следовательно, все является неопределенным и может быть воспринято по-разному.

Все ошибочно, все возможно, все сомнительно.

Попробуем сформулировать эту данность с помощью старинного изречения: «Истина по эту сторону Пиренеев становится заблуждением по ту»[9].

И скажем: истина в наших органах чувств, заблуждение рядом.

За пределами нашей атмосферы два и два не

---

[9] Примечания: 9

...«Истина по эту сторону Пиренеев...» — Цитируются «Мысли» французского ученого и философа Б. Паскаля (1623–1662).

обязательно равны четырем.

Истина на Земле, заблуждение вне ее — из чего я заключаю, что смутно различимые тайны наподобие электричества, гипнотического сна, передачи воли, внушения и всех явлений магнетизма остаются сокрытыми от нас только потому, что природа не наделила нас органом или органами, необходимыми для их восприятия.

Убедившись в том, что все, открываемое мне чувствами, существует для меня одного, в моем восприятии, и будет совершенно другим для иного, иначе организованного существа, и придя к выводу, что обладающее иным строением человечество имело бы абсолютно противоположные нашим представления о мире, о жизни, обо всем — ибо схожесть мнений является результатом лишь сходства человеческих органов, а расхождения в них возникают только из- за незначительных различий в работе наших нервных сетей — я приложил сверхчеловеческие усилия, чтобы хоть немного проникнуть в окружающее меня неведомое.

Не сошел ли я с ума?

«Я окружен неизвестным», — сказал я себе. Я представил человека, лишенного слуха, который силится вообразить звук, как мы пытаемся

вообразить так много скрытых тайн, человека, замечающего акустические явления, природу и происхождение которых он не в состоянии определить. И я начал страшиться всего вокруг, бояться воздуха, бояться ночи. С той минуты, когда мы осознаем, что почти ничего не знаем, с того мига, когда все начинает тонуть в беспредельности — что остается? Разве не пустота? И что есть там, в пустоте?

И этот неясный ужас потустороннего, преследующий человека испокон веков, абсолютно обоснован, ибо потустороннее — не что иное, как то, что остается сокрытым от нас!

Тогда я понял, что такое ужас. Мне казалось, что я стою на грани и вот-вот проникну в тайну Вселенной.

Я пытался обострить свои чувства, возбудить их и заставить, пусть ненадолго, воспринимать невидимое.

«Все — существо, — думал я. — Крик, разрезающий воздух — это существо, сравнимое со зверем: он рождается, производит движение и снова видоизменяется в смерти. И это означает, что робкий ум, верящий в бестелесные сущности, не так уж заблуждается. Но кто они, эти сущности?»

Как много людей чувствуют их, трепещут при

их приближении, дрожат при их нечувствительном прикосновении… Мы ощущаем их рядом, вокруг, но не различаем их, так как не обладаем глазами, способными их разглядеть, точнее, неизвестным органом, посредством которого мы могли бы их воспринимать.

Явственней кого бы то ни было я ощущал их, этих потусторонних прохожих. Существа они или тайны? Как узнать? Я не мог сказать, кем они были, но всегда чувствовал их присутствие. И я увидел, узрел невидимое существо — насколько вообще можно видеть этих существ.

Целыми ночами я сидел за столом, охватив голову руками, и размышлял обо всем этом, думал о них. Мне часто представлялось, что моих волос касается неосязаемая рука, вернее, расплывчатое, неясное тело. Но оно не прикасалось ко мне, будучи не телесной, а таинственной, непостижимой сущностью.

Так вот, однажды вечером я услышал, как у меня за спиной заскрипел паркет. Скрип показался мне очень странным. Я задрожал. Затем обернулся. Я никого не увидел. И я позабыл об этом.

Но на следующий вечер, в тот же час, скрип повторился. Я так испугался, что вскочил на ноги, будучи уверен, что нахожусь в комнате не

один. Но я ничего и никого не увидел. Воздух был кристально чист и равномерно прозрачен. Две лампы освещали все уголки.

Шум не повторился, и я постепенно успокоился, однако все еще немного тревожился и часто оборачивался.

На следующий день я рано заперся у себя и стал раздумывать над тем, каким образом могу увидеть посетившее меня незримое существо.

И я увидел его! Я чуть не умер от ужаса.

Я зажег все свечи в светильнике и на каминной доске. Яркий, как на балу, свет разлился по комнате. На столе горели две лампы.

Передо мной находилась моя кровать, древнее сооружение с колонками из резного дуба. Справа — камин. Слева дверь, которую я запер на замок. За спиной — большой платяной шкаф с зеркалом. Я обернулся и посмотрел на себя в зеркало. Глаза странные, зрачки сильно расширены.

После я, как всегда, сел за стол.

Накануне и за день до этого я слышал скрип ровно в двадцать две минуты десятого. Я ждал. И когда наступила долгожданная минута, я испытал неописуемое чувство — словно влажная, жидкая, неодолимая субстанция проникла сквозь все поры моего тела, наполнив душу жутким и в

то же время приятным ужасом. Совсем близко за спиной раздался скрип паркета.

Я вскочил и повернулся так стремительно, что едва не упал. В комнате было светло, как днем. Я не отражался в зеркале! Зеркало, пустое и ясное, было залито светом. И меня в том зеркале не было, хоть я и стоял прямо перед ним. Я с ужасом смотрел на зеркало и не отваживался приблизиться, чувствуя, что между мною и зеркалом был он. Это он, невидимый, заслонял мое отражение.

Ах! какой я пережил испуг! Затем сквозь туман в нижней части зеркала, как сквозь мутную воду, я начал понемногу различать свои очертания, и мне показалось, что эта вода медленно струится слева направо, и с каждой секундой я все отчетливей отражался в зеркале. Это походило на последние мгновения солнечного затмения.

То, что скрывало мое отражение, не имело контуров — лишь постепенно светлела некая матовая прозрачность.

И наконец я, как обычно, смог ясно рассмотреть себя в зеркале.

Итак, я видел его!

Но больше я его не видел.

Я непрестанно жду его, ощущая, что теряю рассудок в этом бесконечном ожидании.

Часы, ночи, дни, недели, месяцы я сижу перед зеркалом и жду его! Но незримый гость больше не приходит ко мне.

Он понял, что я его видел. Но я знаю, что буду ждать его всегда, ждать, пока не умру, не ведая покоя, ждать его перед зеркалом, как охотник ждет добычу.

И в этом зеркале я начинаю видеть дикие образы, и в нем клубятся отвратительные трупы, жуткие чудовища, ужасные призрачные существа — все неописуемые видения, что обретаются в сознании безумцев.

Вот моя исповедь, дорогой доктор. Скажите, что мне делать?

ОРЛЯ

Пер. М. Столярова

Доктор Марранд, самый знаменитый, самый выдающийся наш психиатр, пригласил трех своих коллег и четырех ученых-естествоиспытателей заехать к нему в психиатрическую лечебницу, которой он заведовал: ему хотелось продемонстрировать им одного пациента.

Как только друзья его собрались, он сказал им:

— Более странного и более смущающего случая, чем тот, с которым я сейчас ознакомлю вас, мне еще не приходилось видеть. Не буду ничего говорить о моем пациенте. Он сам расскажет вам все.

И доктор позвонил. Слуга ввел больного. Это был непомерно худой мужчина, высохший, как скелет; такая худоба отличает безумцев, снедаемых какой-нибудь неотступной мыслью, — ведь заболевание мысли пожирает тело быстрей лихорадки или чахотки.

Он поклонился, сел и сказал:

— Господа, я знаю, для чего вы собрались, и готов рассказать вам о себе, как просил меня мой друг, доктор Марранд. Он долгое время считал

меня сумасшедшим, теперь же усомнился в этом. Дайте срок, и вы все убедитесь, что мой ум так же здоров, так же ясен, так же трезво разбирается в действительности, как и ваш, — к несчастью для меня, для вас, для всего человечества.

Начну с фактов, с простейших фактов. Вот они.

Мне сорок два года. Я не женат, состоянием владею достаточным, чтобы жить с известной роскошью. Я жил в своем имении, в Бьессаре, на берегу Сены, неподалеку от Руана. Я люблю охоту и рыбную ловлю. Как раз позади моего дома на высоких скалах растет один из прекраснейших лесов Франции — Румарский лес, а перед домом течет река — одна из прекраснейших рек на свете.

Мой дом — большой, старинный, красивый и выкрашен снаружи в белую краску; вокруг него обширный сад с великолепными деревьями, взбирающийся по уступам скал, о которых я уже упомянул, до самой опушки леса.

Прислуга моя состоит, или, вернее, состояла, из кучера, садовника, лакея, кухарки и кастелянши, являющейся в то же время и чем-то вроде экономии.

Все они прожили у меня от десяти до шестнадцати лет, знают меня, знают весь домашний

распорядок, местный край, всю ту среду, в которой протекала моя жизнь. То были добросовестные, спокойные слуги. Эти обстоятельства имеют значение для того, о чем я собираюсь рассказать вам.

Добавлю, что Сена, протекающая перед моим садом, судоходна до Руана, как вы это, вероятно, знаете, и что я видел каждый день, как по реке проплывают крупные суда, то парусные, то паровые, прибывающие со всех концов земли.

Так вот, позапрошлой осенью я почувствовал вдруг странное, необъяснимое недомогание. Сначала это было какое- то нервное беспокойство, не дававшее мне спать по целым ночам, и такое повышенное возбуждение, что я вздрагивал от малейшего шума. Я стал раздражительным. У меня появились внезапные вспышки беспричинного гнева. Я позвал врача, и он прописал мне бромистый калий и души.

Я стал принимать души утром и вечером и начал пить бром. И, правда, сон вскоре вернулся ко мне, но этот сон был еще ужаснее, чем бессонница. Едва улегшись в постель, я закрывал глаза, и существование мое прекращалось. Да, я погружался в небытие, в абсолютное небытие, все мое существо словно уничтожалось — и из

этого небытия резко исторгало меня ужасающее, мучительно страшное ощущение какой-то огромной тяжести, навалившейся мне на грудь, и чьих-то губ, которые, припав к моим губам, пьют мою жизнь. О, трепет этих пробуждений! Ничего ужаснее я не знаю.

Представьте себе, что человека во сне убивают, и он просыпается с ножом в груди, хрипит, обливается кровью, задыхается и умирает, ничего не понимая, — вот что испытывал я!

Я начал худеть, жутко, безостановочно, и заметил вдруг, что мой кучер, который был очень толст, худеет, как и я.

Наконец я спросил его:

— Что с вами, Жан? У вас больной вид.

Он отвечал:

— Боюсь, что я заболел той же болезнью, что и вы, сударь. Я провожу ночи, губительные для моих дней.

Я подумал, что, может быть, воздух в доме заражен миазмами лихорадки из-за близости реки, и уже собирался уехать месяца на два, на три, хотя был самый разгар охотничьего сезона, но тут один чрезвычайно странный и случайно мною подмеченный мелкий факт повлек за собою такую цепь невероятных, фантастических

страшных открытий, что я никуда не поехал.

Однажды вечером мне захотелось пить; я выпил полстакана воды и при этом заметил, что графин, стоявший на комоде против моей постели, был полон до хрустальной пробки.

Ночью мне приснился один из тех ужасных снов, о которых я уже говорил вам. Проснувшись

во власти смертельного страха, я зажег свечу и хотел было выпить воды, но остолбенел от изумления, увидев, что графин пуст. Я не верил своим глазам. Либо ко мне в комнату кто-то входил, либо я стал лунатиком.

На следующий вечер я решил сделать опыт. Я запер дверь на ключ, чтобы быть уверенным, что никто не может проникнуть в комнату. Я уснул и проснулся — так же, как и всегда. Вода в графине, которую я видел два часа назад, была выпита.

Кто выпил ее? Я, конечно, — и, однако, я был уверен, совершенно уверен в том, что и не пошевелился ни разу за все время, пока спал своим обычным глубоким и мучительным сном.

Тогда, желая убедиться в том, что я не совершил этих бессознательных поступков, я прибегнул к уловкам. Однажды вечером я поставил рядом с графином бутылку старого бордо, чашку с молоком — терпеть его не могу — и тарелку моих любимых шоколадных пирожных.

Вино и пирожные остались нетронутыми. Молоко и вода исчезли. Тогда я начал каждый день разнообразить напитки и кушанья. К твердым, плотным кушаньям не прикоснулись ни разу, из жидкостей же пили только свежее молоко и главным образом воду.

Мучительное сомнение все еще жило в моей душе. Не я ли все-таки бессознательно вставал и пил даже противные мне напитки? Ведь мои чувства, парализованные сомнамбулическим сном, могли измениться, я мог утратить обычное отвращение к этим напиткам, усвоить иные вкусы.

Тогда я прибегнул к новой хитрости, стремясь уличить самого себя. Я обмотал полосками белой кисеи все предметы, к которым мне неминуемо пришлось бы прикоснуться, и вдобавок закрыл их батистовой салфеткой.

Затем, ложась в постель, я натер себе графитом руки, губы и усы.

Когда я проснулся, ни па одном предмете не было ни малейшего пятнышка; однако к ним прикасались, потому что салфетка лежала не так, как я ее положил; вдобавок молоко и вода были выпиты. А между тем дверь, запертая прочным замком, и ставни, из осторожности тоже запертые на висячие замки, никому не давали возможности проникнуть ко мне.

И тут я задал себе страшный вопрос: кто же находится здесь каждую ночь, возле меня?

Я чувствую, господа, что слишком тороплюсь. Вы улыбаетесь, вы уже составили себе определенное мнение: «Это сумасшедший». Мне следовало

бы подробно описать вам потрясение человека, который, запершись у себя в комнате, в здравом уме и твердой памяти, видит сквозь стекло графина, что за время его сна часть воды исчезла. Мне следовало бы дать вам почувствовать эту пытку, возобновлявшуюся каждый вечер и каждое утро, и этот непреодолимый сон, и эти еще более страшные пробуждения.

Буду, однако, продолжать.

Внезапно чудеса прекратились. Ни к чему больше в моей комнате не прикасались. Все было кончено. Я поправился. Ко мне уже возвращалась былая веселость, как вдруг я узнал, что один из моих соседей, г-н Лежит, находится в таком же точно состоянии, в котором недавно находился я. И снова я подумал о влиянии местного воздуха, зараженного лихорадкой. Кучер мой ушел от меня месяцем раньше, окончательно расхворавшись.

Зима прошла, наступила весна. Однажды утром, когда я гулял у себя около клумб с розами, я увидел, ясно увидел, что совсем вблизи от меня стебель одной из красивейших роз сломался, словно чья-то невидимая рука сорвала ее; затем цветок поднялся по дуге, которую могла бы описать рука, подносящая его к устам, и один, без опоры, неподвижный, пугающий, повис в

прозрачном воздухе в трех шагах от меня.

В безумном ужасе я бросился, чтобы схватить его. Но не нашел ничего. Он исчез. Тогда я бешено рассердился на самого себя. Нельзя же, чтобы у серьезного, рассудительного человека бывали подобные галлюцинации.

Но действительно ли это была галлюцинация? Я огляделся, ища глазами стебель, и тотчас нашел его на кусте: излом был еще свежий, и на

той же ветке виднелись две другие розы, одна справа, другая слева от него; всех их, я помнил ясно, было три.

Тогда, потрясенный до глубины души, я возвратился домой. Послушайте, господа: я совершенно спокоен; я не верил ни во что сверхъестественное, не верю и сейчас; но с этого мгновения я убежден, так же убежден, как в чередовании дня и ночи, что со мною рядом находится некое невидимое существо: оно избрало меня своей жертвой, потом покинуло меня, а теперь вернулось опять.

Немного погодя я получил этому доказательство.

Между моими слугами начались беспрестанные, яростные ссоры по самым разнообразным поводам, внешне мелочным, но для меня исполненным значения.

Однажды, среди бела дня, по неизвестной причине разбился стакан, прекрасный стакан из венецианского стекла, стоявший на поставце в столовой.

Лакей сваливал вину на кухарку, кухарка — на экономку, а та — уж не знаю кого.

Двери, закрытые вечером, наутро оказывались открытыми. Кто-то каждую ночь воровал молоко из кладовой.

Что же это за существо? Какой породы? Нервное любопытство, смешанное с гневом и ужасом, не давало мне покоя ни днем, ни ночью.

Однако все в доме еще раз успокоилось, и я уже опять начал думать, что случившееся только сон, как вдруг произошло следующее.

Дело было 20 июля, в девять часов вечера. Было очень жарко; оставив окно в моей комнате настежь открытым, я растянулся в глубоком кресле; горевшая на столе лампа освещала том Мюссе, раскрытый на *Майской ночи*[10]. Я задремал.

Проспав минут сорок, я открыл глаза, но не двигался, разбуженный каким-то странным, непонятным ощущением. Сначала я ничего не заметил; потом мне вдруг почудилось, что страница книги перевернулась сама собою. Из окна не проникало ни малейшего дуновения. Я удивился и ждал, что будет дальше. Минуты через четыре я увидел, увидел, — да, господа, увидел собственными глазами, как следующая страница приподнялась и легла на предыдущую, словно ее перевернула чья-то рука. Кресло мое казалось пустым, но я понял, что в нем сидит он, он! Одним

---

[10] Примечания: 10

…том Мюссе, раскрытый на Майской ночи — «Майская ночь» — малая лирическая поэма французского поэта-романтика, прозаика и драматурга А. де Мюссе (1810–1857).

прыжком я пересек комнату, я хотел ощутить его, прикоснуться к нему, схватить его, если это окажется возможным… Но кресло, прежде чем я подскочил к нему, опрокинулось, будто кто-то бросился бежать от меня; лампа упала и погасла, стекло разбилось, а окно захлопнулось со стуком, словно его с размаху закрыл грабитель, спасаясь от погони… О!..

Я кинулся к звонку и позвонил. Когда явился лакей, я сказал ему:

— Я все опрокинул и разбил. Принесите мне лампу.

Я уже не заснул в ту ночь. А ведь, может быть, я снова стал жертвой иллюзии. При пробуждении восприятия неотчетливы. Не сам ли я опрокинул кресло и лампу, когда ринулся, как безумец?

Нет, это был не я. Я это знал и не сомневался в этом ни на секунду. Но мне хотелось верить, что это был я.

Постойте. Это существо — как мне назвать его? Невидимкой? Нет, этого мало. Я дал ему имя Орля. Почему? Сам не знаю. Так вот, Орля с тех пор уже не покидал меня. Днем и ночью у меня было ощущение, нет, уверенность в присутствии этого неуловимого соседа, уверенность в том, что он пьет мою жизнь час за часом, минута за

минутой.

Мысль, что я не могу видеть его, приводила меня в бешенство: я зажигал все лампы, которые у меня имелись, словно мог разглядеть его при их свете.

Наконец я увидел его.

Вы мне не верите. И все же я его видел.

Я сидел с какой-то случайной книгой, не читая, но подстерегая всеми моими болезненно напряженными чувствами, подстерегая того, кто, как я сознавал, где-то рядом со мною. Несомненно, он был здесь. Но где? Что он делал? Как добраться до него?

Прямо против меня помещалась моя кровать: старая дубовая кровать с колонками. Направо камин. Налево дверь, тщательно мною запертая. Позади — большой зеркальный шкаф, перед которым я каждый день брился, одевался и, проходя мимо, по привычке, постоянно осматривал себя с головы до ног.

Итак, я притворился, что читаю: я хотел обмануть его — ведь и он следил за мною. И вдруг я почувствовал, я ощутил уверенность, что он читает из-за моего плеча ту же книгу, что он тут и касается моего уха.

Я вскочил, я обернулся так быстро, что едва

не упал. И что ж? Было светло, как днем… а я не увидел себя в зеркале! Залитое светом, оно оставалось пустым и ясным. Моего отражения в нем не было… А я стоял перед ним… Я видел огромное стекло, ясное сверху донизу. Я смотрел на зеркало безумными глазами и не смел шагнуть вперед, чувствуя, что оно, это существо, здесь, между мной и стеклом, что оно вновь ускользнет от меня, но что его невидимое тело поглотило мое отражение.

Как я испугался! Затем вдруг я начал различать себя в глубине зеркала, но лишь в каком-то тумане, как бы сквозь водяную завесу; мне казалось, что эго вода медленно струится слева направо и мое отражение с минуты на минуту проясняется. Это было похоже на конец затмения. То, что заслоняло меня, как будто не имело резко очерченных контуров, а походило на туманность, которая мало-помалу рассеивалась.

Наконец я мог с полной ясностью различить себя, как это бывало каждый день, когда я смотрелся в зеркало.

Я видел его! И еще доныне содрогаюсь от ужаса при этом воспоминании.

На другой день я явился сюда попросить, чтобы меня приняли в лечебницу.

Перехожу к выводам, господа.

Доктор Марранд, после некоторых колебаний, решился наконец съездить в ту местность, где я жил.

Трое из моих соседей страдают в настоящее время той же болезнью, что и я. Не правда ли?

Врач ответил:

— Правда.

— Вы посоветовали им оставлять на ночь у себя в комнате воду и молоко, чтобы посмотреть, исчезнут ли эти жидкости. Больные так и сделали. Исчезли эти жидкости, как у меня?

Врач ответил с торжественной серьезностью:

— Исчезли.

— Это значит, господа, что на земле появилось какое-то Существо, новое Существо, и оно, конечно, не замедлит размножиться, как размножился человек.

А! Вы улыбаетесь? Почему? Потому, что это Существо остается невидимым? Но наш глаз, господа, является органом настолько неразвитым, что он еле-еле различает даже те вещи, которые необходимы для нашего существования. Все слишком малое ускользает от него, все слишком большое ускользает от него, все слишком далекое ускользает от него. Ему неведомы миллиарды

маленьких существ, которые живут в капле воды. Ему неведомы обитатели, растения и почва ближайших звезд. Даже прозрачное — и то для него незримо.

Поставьте перед ним стекло без амальгамы, — он его не заметит и натолкнется на него; так птица, залетевшая в дом, разбивает себе голову об оконные стекла. Значит, наш глаз не видит твердых прозрачных тел, а они, тем не менее, существуют; он не видит воздуха, которым мы питаемся, не видит ветра, являющегося величайшей силой природы, ветра, который валит с ног людей, разрушает здания, вырывает с корнем деревья, вздымает на море горы воды, под натиском которых рушатся гранитные скалы.

Нет ничего удивительного, что наши глаза не видят этого нового тела, которому, несомненно, не хватает только способности задерживать световые лучи.

Видите ли вы электричество? Однако оно существует!

Существует и тот, кого я назвал Орля.

Кто это? Господа, это тот, которого ждет земля вслед за человеком! Тот, кто явился, чтобы отнять у нас власть, поработить, укротить нас, — и, быть может, употребить нас в пищу, подобно тому, как

мы питаемся коровами и кабанами.

На протяжении веков мы видим, что его предчувствуют, его боятся и его возвещают! Отцов наших вечно томил страх перед Невидимым.

Он пришел.

Все легенды о феях, о гномах, о неуловимых недобрых существах, бродящих в воздухе, — все эти легенды говорят о нем, о том, кого предчувствует встревоженный и трепещущий от страха человек.

И то, чем вы сами заняты вот уже несколько лет, господа, то, что вы называете гипнотизмом, внушением, магнетизмом, — все это возвещает его, пророчествует о нем!

Говорю вам: он пришел. Он бродит, сам еще неуверенный, как были не уверены первые люди, — он еще не знает своей силы, своей власти: скоро, слишком скоро узнает он их!

Я кончаю, господа. Вот случайно попавший мне в руки обрывок газеты, выходящей в Рио-де-Жанейро. Я читаю: «В последнее время в провинции Сан-Паоло свирепствует какая-то эпидемия безумия. Жители нескольких деревень бежали, бросив дома и земли; они уверяют, будто их преследуют и пожирают незримые вампиры, которые питаются их дыханием, когда они спят,

и которые, кроме того, пьют только воду, а иногда молоко».

Добавлю: я отлично помню, что за несколько дней до первого приступа этой болезни, от которой я чуть было не умер, по реке проплыл, с распущенным флагом, бразильский трехмачтовый корабль… Я уже сказал вам, что дом мой стоит на берегу… Весь белый… Вероятно, он прятался на том корабле.

Мне нечего добавить, господа.

— Мне тоже, — промолвил негромко доктор Марранд, поднимаясь. — Не знаю, безумец ли этот человек, или безумцы мы оба… или… или и впрямь явился на землю наш преемник.

ОРЛЯ
(*Окончательная версия*)

Пер. Э. Липецкой

8 мая. — Изумительный день! Все утро я провалялся на траве под исполинским платаном — он растет у моего дома, укрывает его, окутывает широкой своей сенью. Люблю этот край, мне легко в нем дышится, потому что здесь мои корни, те глубокие, восприимчивые корни, которые накрепко привязывают нас к земле, где появились на свет и умерли наши предки, привязывают к привычному ходу мыслей и привычной еде, к обыкновениям и кушаньям, к оборотам речи, говору крестьян, к запахам вот этой почвы, этих деревень, даже к самому воздуху.

Люблю свой дом, где прошло все мое детство. Из окон видна Сена, она течет вдоль садовой ограды по ту сторону проезжей дороги, в моих, можно сказать, владениях — большая, широкая река, усеянная проплывающими судами, катит воды из Руана в Гавр.

Вдали слева — Руан, огромный город, над его синими крышами высится островерхое племя

готических колоколен. Их великое множество, и хрупких и кряжистых, над всеми царит чугунный шпиц собора, и бессчетные колокола полнят прозрачную синь чудесным благовестом заутрени, чей гулкий металлический зов, чья бронзовая песнь доносится до меня в дыхании ветра, то еле различимая, когда он замирает, то явственная, когда он набирается сил.

Как хорошо было сегодня утром!

Часов около одиннадцати мимо садовой решетки проплыл длинный караван торговых судов; их тащил буксирчик с муху величиной, он натужно хрипел и плевался густыми клубами дыма.

Вслед за двумя английскими шхунами, чьи алые флаги зыбились на фоне неба, появился горделивый бразильский трехмачтовый парусник, белоснежный, немыслимо чистый, весь сверкающий. Я непроизвольно отвесил ему поклон, так мне был приятен весь его облик.

11 мая. — Последние дни меня немного лихорадит; как- то неможется, вернее, тоскуется.

Откуда они, эти таинственные флюиды, которые безмятежную радость превращают в уныние, спокойную уверенность — в душевную тревогу? Словно воздух, незримый воздух вокруг нас кишит какими-то непостижимыми Силами, и мы все время ощущаем их таинственное соседство. Я просыпаюсь, у меня чудесное настроение, хочется запеть во все горло. Почему? Я отправляюсь побродить у реки, но почти сразу поворачиваю и спешу домой с таким стеснением в груди, как будто меня ждет недобрая весть. Почему? Холодный ли ветер, коснувшись кожи, раздражил мои нервы и омрачил душу? Очертания ли облаков, или облик дня, столь переменчивый облик нашего мира вещей, промелькнув перед глазами, смутил мои мысли? Кто ответит на этот вопрос? Быть может, все, что нас окружает, все, что мы видим, не глядя, осязаем, не отдавая себе отче-

та, к чему прикасаемся, не дотрагиваясь, с чем сталкиваемся, не замечая, — все оказывает на нас, на наши чувства и через них на мозг и даже на душу влияние мгновенное, потрясающее и необъяснимое?

Как глубока тайна Незримого! В нее не проникают наши столь несовершенные чувства, наши глаза, не умеющие различать ни слишком малого, ни слишком большого, ни слишком близкого, ни слишком далекого, ни насельников звезд, ни насельников капли воды… Наши уши вводят нас в обман, ибо колебания воздуха они доносят до нас под маской звуков и, точно волшебники, чудесным образом превращают движение в ноты разной высоты, тем самым рождая музыку, наделяя певучестью немое шевеление природы… Наше обоняние менее чутко, чем обоняние собаки… Наш вкус едва распознает возраст вина!

Будь у нас другие органы чувств, которые осчастливили бы нас другими чудесами, сколько всякой всячины открыли бы мы еще вокруг себя!

16 мая. — Решительно, я болен! А так хорошо себя чувствовал весь прошлый месяц! У меня лихорадка, жестокая лихорадка, вернее, лихорадочное возбуждение, изматывающее душу не меньше, чем тело. Не могу избавиться от невыно-

симого ощущения нависшей опасности, от страха не то перед неминуемым несчастьем, не то перед близкой смертью, от предчувствия беды, которое, без сомнения, есть признак еще не распознанного недуга, тлеющего в крови, в самых недрах нашего существа.

18 мая. — Только что вернулся от своего врача — я пошел к нему потому, что совершенно лишился сна. Он нашел, что пульс у меня учащен, зрачки расширены, нервы напряжены, но никаких угрожающих симптомов не обнаружил. Прописал душ и бромистый калий.

25 мая. — Никакого улучшения! Сам не пойму, что со мной творится. Чуть начинает смеркаться, как меня охватывает непонятная тревога, словно в ночи таится какая-то страшная угроза. Я наскоро обедаю, потом берусь за книгу, но не понимаю ни слова, буквы прыгают перед глазами. Тогда я принимаюсь мерить шагами гостиную, сердце сжимает безотчетная и непреодолимая боязнь — боязнь уснуть, боязнь лечь в постель.

Часов в десять я поднимаюсь в спальню. Едва переступив порог, сразу дважды поворачиваю ключ в замке, запираюсь на все задвижки: мне страшно… Чего?.. До сих пор я не знал никаких страхов… Распахиваю шкапы, заглядываю под кровать… прислушиваюсь… прислушиваюсь… К чему?.. Не удивительно ли, что ничтожное недомогание, какое-нибудь расстройство кровообращения, небольшой застой или, скажем, раздражение нервного волоконца, словом, мелкие неполадки в работе нашего живого механизма, такого несовершенного и хрупкого, превращают весельчака в меланхолика, храбреца в труса? Наконец я укладываюсь в постель и жду прихода сна, как приговоренный — прихода палача. Я жду, дрожа от ужаса; сердце у меня колотится, в ногах судороги, меня знобит, хотя от простынь

пышет жаром, и вдруг проваливаюсь в забытье, как в бездонную яму, полную стоячей воды, без надежды из нее вынырнуть. Я не чувствую, как бывало, приближения этого коварного сна, который прячется где-то рядом, следит за мной, вот-вот прыгнет мне на голову, закроет глаза, превратит в ничто.

Я сплю… долго сплю… несколько часов… потом мне начинает сниться сон… нет, не сон — кошмар… Я отлично сознаю, что лежу в постели и сплю… сознаю и понимаю… и вместе с тем чувствую, что кто-то подходит ко мне, оглядывает меня, ощупывает, влезает на кровать, коленями придавливает грудь, обеими руками хватает за горло и сжимает… сжимает изо всех сил… стараясь задушить…

Я пытаюсь освободиться, но мое тело сковано чудовищным бессилием, парализующим нас в кошмарах, хочу крикнуть — и не могу, хочу пошевелиться — и не могу, задыхаясь, делаю отчаянные попытки повернуться на бок, сбросить это существо, которое расплющивает меня, не дает вздохнуть — и не могу.

Внезапно я просыпаюсь, обезумев от ужаса, весь в поту. Зажигаю свечу.

В комнате никого нет.

После такого приступа, а повторяются они еженощно, я наконец спокойно засыпаю и сплю до рассвета.

2 июня. — Мне стало еще хуже. Что все-таки со мной происходит? Бром не помогает. Душ не помогает. Сегодня утром я решил довести себя до полного изнеможения, хотя и без того совершенно разбит, и отправился на прогулку в Румарский лес. Сперва мне показалось, что свежий воздух, легкий, прозрачный, напоенный запахами трав и листвы, обновляет кровь, обновляет душевные силы. Я пошел широкой, проложенной для охотников дорогой, потом свернул в узкую, ведущую к Ля Буй аллейку меж деревьев-исполинов, которые сплелись наверху ветвями, заслонив от меня небо плотным темно-зеленым, почти черным пологом.

И тут меня забила дрожь, но не от холода, а от непонятной тревоги.

Я ускорил шаги, мне было не по себе одному в этом лесу, было страшно, беспричинно, бессмысленно страшно от такого безлюдья. И вдруг мне почудилось, что кто-то идет за мной, крадется след в след, так близко, что вот-вот коснется меня.

Я круто повернулся. Ни души. Только уходя-

щая вдаль прямая, широкая аллея, пустынная, обсаженная высокими деревьями — пустынная до жути. И в другую сторону она тоже тянулась, нескончаемо длинная, однообразная, страшная.

Я зажмурился. Почему? Упершись каблуком в землю, начал кружиться быстро-быстро, как волчок. Чуть было не упал — пришлось открыть глаза: деревья качались, земля плыла, я вынужден был сесть. Ну, а потом уже не мог сообразить, с какой стороны я пришел. Дикий поступок! Дикий! Дикий! Я ничего не соображал. Свернул наобум вправо и добрел до той самой дороги, которая привела меня в глубь леса.

3 июня. — Ужасная ночь. Уезжаю на несколько недель. Небольшое путешествие, безусловно, вернет мне равновесие.

2 июля. — Я вернулся. Совершенно здоров. К тому же поездка была очень удачная. Впервые побывал на горе Сен- Мишель.

Какой открывается вид, если, как я, попадаешь в Авранш к концу дня!

Город стоит на холме. Меня повели на самую окраину, в городской сад, — там я даже вскрикнул от изумления: меж обрывистых берегов широко раскинулась бухта, она простирается куда только достает глаз, теряясь в дымчатой дали. И посреди

этой необъятной желтой бухты, под золотым светоносным небом мрачно вздымается на песчаном острове удивительная остроконечная гора.

Солнце только что скатилось в море, и на пла-

менеющем небе рисовался причудливый силуэт этой скалы, увенчанной причудливым сооружением.

Я отправился туда на рассвете. Был отлив, как и накануне вечером, и я, не отрываясь, смотрел на вырастающее с каждым моим шагом необыкновенное аббатство. Я шел несколько часов и наконец добрался до каменной громады, несущей на себе небольшое селение и большую церковь. Одолев узкую, крутую улочку, я вошел в эту готическую обитель, прекраснейшую из всех воздвигнутых Богу на земле, — целый город, несчетное множество низких палат, придавленных сводами, и высоких галерей на хрупких колоннах. Я вошел в это гигантское творение рук человеческих, выстроенное из гранита и, словно кружево, невесомое, покрытое башнями, стройными колоколенками, которые оплетены бегущими вверх лестницами, связаны друг с другом изящными резными арками и стремятся в небо — днем синее, ночью черное — всеми прихотливыми своими верхушками, где топорщатся химеры, черти, небывалые звери, чудовищные цветы.

Добравшись до вершины, я сказал моему провожатому- монаху:

— Как вам, должно быть, хорошо здесь, святой отец!

— Ветры у нас очень сильные, сударь, — ответил он, и мы начали беседовать, поглядывая, как прилив, набегая на песок, покрывает его стальной кольчугой.

Монах рассказал немало историй, старинных историй, связанных с этим краем, — преданий, разумеется, преданий.

Одно из них произвело на меня особенное впечатление. Местные жители, горцы, утверждают,

будто в песках по ночам слышны человеческие голоса, а потом блеяние двух коз: одна блеет громко, другая потише. Скептики возражают им, что это кричат морские птицы — их крики напоминают то блеяние, то человеческие стоны. Но рыбаки стоят на своем: когда им случалось припоздниться, они неподалеку от этого затерянного в глуши городка встречали среди дюн в часы отлива дряхлого пастуха, который, закрыв лицо плащом, вел за собой двух коз, одну с мужским лицом, другую с женским; седые, длинноволосые, они ни на секунду не умолкали — то ссорились на непонятном языке, то вдруг начинали во всю мочь блеять.

— И вы верите этому? — спросил я монаха.

— Не знаю, — вполголоса ответил он.

Но я не унимался:

— Если бы на земле водились существа совсем не похожие на нас, разве мы уже давным-давно не убедились бы в этом? Как же случилось, что их никогда не видели вы? Никогда не видел я?

— Но мы не видим и стотысячной доли того, что существует, — заметил он. — Возьмем, к примеру, хотя бы ветер: нет у природы силы неодолимее, он валит с ног людей, опрокидывает здания, с корнем вырывает деревья, вздымает морские ва-

лы высотой с гору, обращает в прах утесы, бросает на рифы большие суда, он убивает, он свистит, стонет, мычит — а вы его видели? И можете ли вы его увидеть? Меж тем, он существует!

Что я мог возразить на столь простой довод? Передо мной был мудрец, может быть, простак, я не взялся бы утверждать ни того, ни другого, но возразить ему не мог. Мне и самому приходили в голову такие мысли.

3 июля. — Плохо спал: в здешнем воздухе, очевидно, разлито какое-то тлетворное влияние, неможется не только мне, но и моему кучеру. Вернувшись вчера домой, я обратил внимание на его болезненную бледность.

— Что с вами, Жак? — спросил я у него.

— Никак не могу отдохнуть по-настоящему, сударь, все дневные силы ночь съедает. Как вы уехали, так на меня это и нашло.

Хотя другие слуги чувствуют себя отлично, боюсь, как бы не началось у меня снова.

4 июля. — Снова началось, это ясно. Опять все те же кошмары. Нынче ночью кто-то сидел у меня на груди и, прижавшись губами ко рту, высасывал мою жизнь. Да, он тянул ее у меня из горла, точь-в-точь как пиявка. Потом, насосавшись, встал, а я проснулся до того обессиленный, измученный,

опустошенный, что руки не мог поднять. Если так будет продолжаться еще несколько дней, непременно уеду.

5 июля. — Может быть, я сошел с ума? То, что произошло, чему я был свидетель прошлой ночью, не укладывается ни в какие рамки, у меня голова идет кругом, когда я об этом думаю.

Вечером по нынешнему своему обыкновению я запер дверь на ключ. Мне захотелось пить, я налил себе полстакана воды и при этом случайно обратил внимание, что графин полон до самой стеклянной пробки.

Я лег и, как со мной бывает теперь, на меня навалился мучительнейший сон, из которого часа через два я был вырван еще более мучительным пробуждением.

Представьте себе человека, которому снится, будто его убивают, и который просыпается от то-

го, что ему всадили нож между ребер: он хрипит, истекает кровью, не может вздохнуть, чувствует, что умирает, пытается что-то понять — вот так проснулся и я.

Когда я наконец пришел в себя, мне снова захотелось пить; я зажег свечу, подошел к столику, где стоял графин, и наклонил горлышко над стаканом: оттуда не вытекло ни единой капли. Графин был пуст! Абсолютно пуст! Сперва я не сообразил, в чем дело, потом вдруг понял и был так потрясен, что тут же сел, вернее, упал на стул. Потом вскочил и огляделся, опять сел, до умопомрачения удивленный и напуганный этим прозрачным, пустым графином. Я не сводил с него глаз, пытаясь найти разгадку. Руки у меня дрожали. Кто выпил воду? Кто? Я сам, конечно? Кто же еще, как не я? Выходит, я лунатик, я живу, сам того не подозревая, двойной таинственной жизнью, которая невольно наводит на мысль, что в каждом из нас два существа или что в часы, когда душа скована сном, некое чуждое существо, незримое и непостижимое, одушевляет наше порабощенное тело, и оно повинуется ему, как нам самим, больше, чем нам самим.

Кто поймет мой отвратительный страх? Кто поймет ощущения человека, который в здравом

уме и твердой памяти глядит, смертельно испуганный, на стеклянный графин, откуда, пока он спал, исчезла вода? Я просидел на стуле до самого утра, не решаясь перебраться в постель.

6 июля. — *Я* схожу с ума. Ночью опять кто-то выпил всю воду из графина — вернее я сам ее выпил.

Я? Так ли? А кто же еще? Кто? Боже милостивый! Или я схожу с ума? Кто подаст мне руку помощи?

10 июля. — Какие потрясающие опыты я проделал за эти дни!

Решительно, я сошел с ума! И все же…

Шестого июля, перед тем как лечь, я поставил на стол вино, молоко, хлеб и землянику.

Кто-то выпил… я выпил всю воду и немного молока. Вино, хлеб, земляника не тронуты.

Седьмого июля повторил опыт с теми же результатами.

Восьмого июля поставил все, кроме воды и молока. Ни к чему не притронулись.

Наконец, девятого июля поставил только воду и молоко, тщательно обернув графины белой кисеей и обвязав пробки тесьмою. Потом натер рот, бороду, руки графитом и лег в постель.

Сразу уснул каменным сном; проснулся от

непередаваемого ужаса. Во сне я, очевидно, ни разу не пошевелился — на простынях ни единого пятнышка. Вскочил и бросился к столу. Кисея по-прежнему белоснежна. Дрожа от страшного предчувствия, развязал тесьму. Вся вода выпита! Все молоко выпито! Боже мой! Боже!..

Немедленно уезжаю в Париж.

12 июля. — Париж. Какое странное затмение нашло на меня в последние дни! То ли я стал жертвой собственного разгулявшегося воображения, то ли я и впрямь лунатик, или, может быть, находился под воздействием силы, уже общепризнанной, хотя до сих пор не разгаданной, которую называют внушением. Так или иначе, смятение мое граничило с помешательством, но сутки в Париже — и я опять здравомыслящий человек.

Вчера после деловых и дружеских визитов, которые ободрили и оживили меня, я закончил вечер во Французской комедии. Давали пьесу Дюма-сына, и этот острый, могучий ум исцелил меня окончательно. Нет, одиночество пагубно для тех, чье сознание в безустанной работе. Нам необходимо жить в окружении людей, мыслящих и высказывающих свои мысли. Долгое уединение понуждает нас населять пустоту призраками.

В гостиницу я возвращался в отличном распо-

ложении духа. Шагая по людным бульварам, я со снисходительной усмешкой вспоминал недавние свои страхи — я ведь думал, да, да, серьезно думал, что под одной крышей со мной поселился некто незримый! До чего же убог наш мозг: он теряет руль и ветрила, стоит ему столкнуться с самым ничтожным, но непонятным явлением!

Вместо того, чтобы сделать простейший вывод — «Я не понимаю следствия, потому что не улавливаю причины», — мы тут же начинаем громоздить какие-то жуткие тайны и сверхъестественные влияния!

14 июля. — День Республики. Гулял по улицам. Как ребенок развлекался, глядя на флаги и фейерверк. Хотя что может быть глупее вот такого веселья по декрету правительства в заранее установленный день! Народ — безмозглое стадо, порою он тупо терпелив, порою свирепо непокорен. Ему говорят: «Веселись!» — и он веселится. Ему говорят: «Иди, сражайся с соседом!» — и он сражается. Ему говорят: «Голосуй за императора!» — и он голосует за императора. Ему говорят: «Голосуй за республику!» — и он голосует за республику.

Погонщики не умнее стада, только они повинуются не людям, а принципам, которые уже по

одному тому нелепы, пустопорожни и лживы, что они принципы, то есть некие положения, почитаемые безошибочными и неколебимыми, — это в нашем-то мире, где и свет — иллюзия и звук — иллюзия.

16 июля. — Я глубоко взволнован тем, чему был

свидетелем вчера.

Я обедал у г-жи Сабле, моей кузины, — ее муж командует в Лиможе 76-м егерским полком. Кроме меня, там были две молодые женщины и муж одной из них, доктор Паран; он серьезно занимается изучением нервных болезней и теми поразительными явлениями, которые стали известны сейчас в связи с опытами гипноза и внушения.

Он подробно рассказал нам об удивительных результатах, полученных как английскими учеными, так и врачами нансийского медицинского института[11].

Факты, о которых он поведал нам, показались мне до того ни с чем не сообразными, что я тут же выразил полное свое неверие в них.

— Мы стоим сейчас, — утверждал он, — на пороге открытия одной из величайших загадок природы. Я разумею, одной из величайших ее загадок на Земле, потому что, несомненно, у

---

[11] Примечания: 11

...нансийского медицинского института — Речь идет о влиятельной школе гипнотерапии, сложившейся в Нанси в 1870- 80-х гг. и руководившейся в описываемое время проф. И. Бернгеймом (1840–1919). Противостояла «парижской школе» Ж. М. Шарко (1825–1893), видевшей в гипнотическом состоянии симптом истерии. Нансийская школа, чье мнение в итоге восторжествовало, считала гипноз проявлением суггестии, то есть внушения и психического воздействия, кот. мог поддаваться вполне здоровый человек.

нее без числа еще более великих — вне наших пределов, в иных мирах. С тех пор, как человек начал мыслить, с тех пор, как научился устно и письменно выражать свою мысль, он непрерывно ощущает дыхание чего-то таинственного, чего-то неуловимого для его маловосприимчивых, несовершенных органов чувств и пытается возместить их бессилие напряженной работой разума. Пока этот разум пребывал в первобытном состоянии, соприкосновение с незримым порождало в нем самый что ни на есть заурядный страх. Страху и обязаны своим возникновением народные верования в сверхъестественное, легенды о блуждающих духах, о феях, гномах, выходцах из могил и даже, смею сказать, легенда о Боге, затем что ничего нет беспомощнее, тупее, нелепее, чем эти рожденные жалким умишком насмерть перепуганных тварей понятия о Боге-творце, какая бы религия их ни придумала. Всего лучше сказал об этом Вольтер: «Бог создал человека по своему образу и подобию, и человек не остался у него в долгу».

Но немногим более века назад люди начали

мало-помалу прозревать. Месмер[12] и другие ученые направили нас по пути совершенно неизведанному, и тому уже лет пять или шесть мы достигли результатов поистине потрясающих.

Моя кузина, тоже полная недоверия, улыбалась.

— Хотите, я попробую вас усыпить? — сказал доктор Паран.

— Что ж, попробуйте.

Она уселась в кресло, и доктор стал пристально смотреть на нее, стараясь загипнотизировать. Мне меж тем стало вдруг не по себе, сердце учащенно забилось, во рту пересохло. Я видел, что веки у г-жи Сабле смыкаются, рот кривится, дыхание становится все тяжелее.

Через десять минут она уже спала.

---

[12] Примечания: 12

…*Месмер* — Ф. А. Месмер (1734–1819), немецкий врач и целитель, создатель теории «животного магнетизма» (месмеризма), способствовавшей формированию научных представлений о гипнозе.

— Сядьте за ее спиной, — обратился ко мне доктор.

Я сел. Он вложил ей в руки визитную карточку и сказал:

— Это зеркало. Что вы в нем видите?

— Вижу моего кузена, — ответила она.

— Что он делает?

— Пощипывает усы.

— А сейчас?

— Вынимает из кармана фотографию.

— Чья это фотография?

— Его собственная.

Она не ошиблась! И вручили мне эту фотографию нынче вечером, перед самым моим уходом из гостиницы.

— В какой позе он снят?

— Он стоит, в руке у него шляпа.

В этой визитной карточке, в этом куске белого картона она видела мое отражение, как в зеркале! Перепуганные дамы наперебой восклицали:

— Довольно! Довольно! Довольно!

Но доктор повелительно сказал:

— Завтра вы встанете в восемь утра, пойдете в гостиницу к кузену и попросите у него взаймы пять тысяч франков: их у вас требовал ваш муж, и он напомнит вам о деньгах перед следующей своей поездкой.

Потом он ее разбудил.

Размышляя по дороге в гостиницу об этом весьма любопытном сеансе гипноза, я все больше

приходил к убеждению, что, должно быть, тут кроется какое-то надувательство — разумеется, не со стороны моей безупречно прямодушной кузины, которую я знал с детства не хуже родной сестры, а со стороны врача. Не держал ли он украдкой зеркала перед уснувшей женщиной, которой для отвода глаз дал в руки визитную карточку? Настоящие фокусники и не то еще проделывают!

Итак, я вернулся к себе в номер и лег спать.

Утром около половины девятого меня разбудил мой лакей:

— Сударь, вас спрашивает госпожа Сабле — ей срочно надобно поговорить с вами.

Я второпях оделся, и ее провели ко мне.

Она была чем-то встревожена, села, не поднимая вуалетки, и, потупившись, сказала:

— Кузен, дорогой! Вы можете оказать мне великую услугу.

— Какую, кузина?

— Очень совестно обращаться к вам с этим, но у меня нет выхода. Мне позарез нужны, понимаете, позарез, пять тысяч франков.

— Вам? Вы это серьезно?

— Да, мне, вернее моему мужу. Он поручил мне достать их.

От удивления я даже стал заикаться. И спрашивал себя: не сговорилась ли она с доктором Параном подшутить надо мной, не комедия ли это, заранее обдуманная и хорошо разыгранная?

Но, пристально вглядевшись в лицо кузины, я понял, что никакой игры тут нет. Она вся дрожала от волнения, так тяжко дался ей этот визит ко мне, и я видел, что она вот-вот разрыдается.

Зная, что г-жа Сабле женщина очень богатая, я продолжал:

— Как же так? У вашего мужа нет под рукой пяти тысяч франков? Подумайте хорошенько. Вы уверены, что он поручил вам занять их у меня?

Она помолчала, словно усиленно рылась в памяти, потом сказала:

— Да… да… уверена…

— Он написал вам об этом?

Она опять помолчала, пытаясь вспомнить. Я чувствовал, какого мучительного напряжения ей это стоит. Она не помнила. Знала только, что должна взять у меня взаймы пять тысяч франков для мужа. И решилась солгать.

— Да… написал.

— Но когда? Вчера вы мне ни словом об этом не обмолвились.

— Письмо пришло сегодня утром.

— Нельзя ли его прочесть?

— Нет… нет… это невозможно… оно предназначено только мне… касается вещей слишком личных… Я… я сожгла его.

— Так что ж, ваш муж залез в долги?

И опять она ответила не сразу.

— Не знаю, — еле слышно сказала она.

— Я не располагаю сейчас пятью тысячами франков, дорогая кузина, — резко сказал я.

Она даже застонала.

— Прошу вас, прошу, достаньте их для меня!..

Госпожа Сабле была в неописуемом смятении. Голос у нее изменился, она молитвенно сложила

руки, плакала, всхлипывала, не смея ослушаться жестокого и непререкаемого приказа.

— Умоляю вас!.. Знали бы вы, как мне тяжело!.. Я сегодня же должна достать деньги!

Я сжалился над ней.

— Скоро вы их получите, обещаю.

— Благодарю вас! Благодарю! Вы очень добры! — вскричала она.

— Вы хорошо помните вчерашний вечер? — спросил я ее напоследок.

— Да.

— Помните, что доктор Паран вас усыпил?

— Да.

— Ну так вот, это он внушил вам, что вы должны сегодня утром прийти ко мне и попросить пять тысяч франков. Сейчас вы просто повинуетесь его внушению.

— Но ведь деньги нужны моему мужу, — немного подумав, возразила она.

Битый час я пытался разубедить ее, но так и не мог.

Не успела она выйти от меня, как я помчался к доктору. Он уже собирался уходить и с улыбкой выслушал мой рассказ. Потом спросил:

— Ну как, теперь вы уверовали?

— Пришлось уверовать.

— Пойдемте к вашей родственнице.

Она уже дремала, сидя в шезлонге, вид у нее был бесконечно утомленный. Пристально глядя на нее, врач одной рукой сжал ей кисть, другую поднес к ее глазам, пока она не закрыла их, не в силах противиться его магнетическому взгляду.

— Вашему мужу больше не нужны пять тысяч франков, — сказал доктор Паран, как только она уснула. — И вы забудете, что просили их у вашего кузена, а если он напомнит вам, не поймете, о чем речь.

Потом он ее разбудил. Я вытащил из кармана бумажник.

— Я принес, дорогая моя, деньги, которые вы просили сегодня утром.

Она пришла в такое недоумение, что я не решился настаивать. Тем не менее, я сделал попытку напомнить ей утренний разговор, но она категорически все отрицала, сочла, что я ее дурачу, и под конец чуть было не обиделась.

Только что вернулся в гостиницу. Не стал завтракать, так вывел меня из равновесия этот случай.

19 июля. — Почти все, кому я рассказывал об опыте доктора Парана, поднимали меня на смех. Не знаю, что и думать. Мудрец сказал когда-то:

«А что, если…»

21 июля. — Обедал в Буживале, потом отправился на бал гребцов. Решительно, наши мысли целиком зависят от обстановки. Когда находишься в «Лягушатнике», вера в сверхъестественное кажется пределом бессмыслицы… А на вершине горы Сен-Мишель?.. Или в Индии?.. Как неодолимо влияние среды и места! На будущей неделе вернусь домой.

30 июля. — Вчера вернулся. Все идет как нельзя лучше.

2 августа. — Ничего нового. Погода отличная. Дни напролет гляжу, как течет Сена.

4 августа. — Ссоры между слугами: кто-то из них будто бы бьет по ночам посуду в буфетах. Лакей обвиняет кухарку, та — экономку, экономка — их обоих. А кто истинный виновник? Загадка не из легких.

6 августа. — На этот раз я в здравом уме. И видел… да, да, собственными глазами видел!.. Сомнений больше нет… Меня до сих пор бьет озноб… до сих пор волосы шевелятся от страха!.. Я видел!..

В два часа дня, когда вовсю светило солнце, я гулял по розарию, по дорожке, обсаженной осенними розами, которые уже начинают зацветать.

На розовом кусте сорта «воин-исполин» распустились три великолепных розы, я остановился, чтобы полюбоваться ими, и с полной отчетливостью увидел, как совсем близко от меня стебель одной из этих роз вдруг склонился, словно его пригнула незримая рука, а затем сломался, словно та же рука сорвала цветок! Потом роза описала кривую — казалось, кто- то поднес ее к лицу понюхать — и застыла в прозрачном воздухе: жуткое алое пятно, неподвижно висящее в пустоте в трех шагах от меня.

Я потерял голову и, рванувшись к цветку, попытался его схватить! Напрасный труд: роза исчезла.

Моя злость на себя не поддается описанию, потому что разумный, здравомыслящий человек просто не имеет права на такие галлюцинации.

И все-таки галлюцинация ли это? Я взглянул на розовый куст, и мне тут же бросился в глаза сломанный стебель меж двух нетронутых роз!

И тогда я побрел домой, потрясенный до самых основ: как у меня нет сомнений, что на смену дня придет ночь, так нет сомнений и в том, что рядом со мной существует некто невидимый, что он пьет воду и молоко, дотрагивается до вещей, поднимает их, переставляет с места на место, то есть вполне материален, хотя и неуловим для наших органов чувств, и живет этот некто в моем доме, под одной крышей со мной.

7 *августа.* — Ночь прошла спокойно. Он выпил всю воду из графина, но не нарушал моего сна.

Хочу понять, действительно ли я сумасшедший. Только что, гуляя по берегу под палящим солнцем, я задавал себе этот вопрос, но не мельком и туманно, как прежде, а трезво и в упор. Я знавал в своей жизни сумасшедших, встречал среди них людей, сохранивших ясность сознания, понятливых и даже проницательных во всем, кроме одного-единственного пункта. О любых вопросах они судили здраво, основательно и

беспристрастно, но стоило их рассудку внезапно наткнуться на подводную скалу мании — и он давал трещину, разваливался на куски, погружался в грозный, бушующий океан, где шквальный ветер, и туманы, и громады волн, океан который называется умопомешательством.

И, конечно, я счел бы себя сумасшедшим, безусловно сумасшедшим, если бы не видел, что со мной происходит, не сознавал бы этого, не анализировал бы своего состояния с полнейшим хладнокровием. Итак, если я и подвержен галлюцинациям, способность рассуждать у меня сохранилась. В моем мозгу угнездился какой-то неведомый недуг, один из тех, над природой и происхождением которых бьются нынешние физиологи, и вот этот-то недуг пробил глубокую брешь в моем разуме, в стройности и последовательности моих мыслей. Подобные состояния бывают во сне, когда любые фантасмагории мы принимаем как нечто вполне естественное, потому что чувство реальности — наше проверочное устройство — погружено в забытье, меж тем как воображение продолжает бодрствовать и работать. Не поврежден ли какой-нибудь неприметный клавиш у меня в мозгу? Люди, попавшие в катастрофу, порою совершенно забывают име-

на собственные, или глаголы, или цифры, или только даты. Нынче уже вполне доказано, что у любой частицы нашего сознания есть свое собственное, отведенное ей место. Что ж удивляться, если моя способность отделять действительность от галлюцинаций бывает иной раз нарушена?

Вот о чем я думал, прогуливаясь по берегу реки. Солнце зажигало искрами воду, дарило несказанную прелесть земле, полнило меня любовью к жизни, к ласточкам, чей резвый полет — радость моих глаз, к прибрежным травам, чей шелест — услада моего слуха.

Но мало-помалу я стал чувствовать необъяснимую тревогу. Казалось, какая-то потусторонняя сила наваливается на меня, останавливает, загораживает дорогу, велит повернуть назад. Мне нестерпимо хотелось домой — это чувство знакомо людям, у которых болен кто-то близкий: стоит им отлучиться, как они уже не могут отделаться от мысли, что за время их отсутствия больному стало хуже.

Итак, я против собственной воли поспешил домой, твердо уверенный, что там меня ждет дурная весть — письмо или даже депеша. Но не было ни того, ни другого, и это поразило и обеспокоило меня больше, чем если бы мне снова

примерещилось какое-нибудь ни с чем не сообразное видение.

8 августа. — Вчерашний вечер был ужасен. Он больше ничем не выдает себя, но я чувствую, что он здесь, рядом, что он шпионит за мной, глядит на меня, проникает в каждую мою пору, завладевает моей волей; вот такой, затаившийся, он еще страшнее, чем когда заявляет о себе, незримом и неотступном, любыми сверхъестественными явлениями.

Тем не менее, ночью я спал.

9 августа. — Ничего нового, и все-таки мне страшно.

10 августа. — Новостей нет, но что будет завтра?

11 августа. — По-прежнему ничего нового; не могу больше жить у себя с этим страхом, с этим вечным ожиданием. Уеду.

12 августа, десять часов вечера. — С самого утра хотел уехать, но так и не мог. Хотел утвердить свободу своей воли простейшим и легчайшим способом: выйти из дому, сесть в карету, сказать кучеру, чтобы вез меня в Руан, — и не мог. Почему?

13 августа. — Есть недуги, которые как бы ломают все пружины нашего существа, парализуют

все силы, расслабляют все мышцы; кости тогда подобны мясу, мясо подобно воде. А у меня таким недугом поражена душа, этого нельзя понять, с этим нельзя смириться. Ни энергии, ни мужества, ни малейшей власти над собою, ни малейшей способности проявить собственную волю. Ее нет у меня, некто подменил мою волю своей, и я ему подчиняюсь.

14 августа. — Я погиб! Некто вселился в меня и правит моей душой. Некто диктует мне все поступки, все мысли, все движения! Я уже как бы не существую, я только насмерть испуганный и рабски покорный зритель собственной жизни. Я решаю пойти погулять — и не могу: он не хочет, и вот я сижу, пригвожденный к креслу, и трясусь от страха. Я решаю доказать себе, что все-таки сам распоряжаюсь собой, пытаюсь встать, хотя бы приподняться с кресла — и не могу: я прикован к этому креслу, а оно прилипло к полу, и никакая сила не сдвинет нас с места.

А потом я вдруг чувствую, что должен, должен, должен пойти в сад, набрать земляники и съесть ее! И я иду. Набираю земляники и съедаю! О Боже! Боже! Боже! Существуешь ли ты? Если существуешь, спаси меня, освободи, приди на помощь! Даруй мне, Господи, прощение! Сжалься, смилуй-

ся, спаси меня! Какая это мука! Какое терзание! Какой ужас!

15 августа. — Вот так была одержима и порабощена моя бедная кузина, когда пришла ко мне просить пять тысяч франков. Чужая воля подчинила ее себе, словно в нее вселилась чья-то душа, душа-тунеядка, душа-тиранка! Быть может, это светопреставление?

Но кто, кто правит мною? Кто бродит вокруг меня, незримый и непознаваемый, не нашего, не человеческого роду и племени?

Значит, Невидимки существуют? Но почему тогда, с тех пор, как стоит мир, они ни разу не дали о себе знать так явственно, как сейчас мне? Я никогда не читал ни о чем похожем на то, что происходит в моем доме. Если бы мне убежать из него, скрыться, уехать и вовеки не возвращаться, я был бы спасен! Но я не могу.

16 августа. — Сегодня мне удалось вырваться на два часа, совсем как арестанту, который нежданно-негаданно обнаружил, что его камера не заперта: у меня вдруг появилось ощущение, что я свободен, что он куда-то отлучился. Не теряя ни минуты, я приказал заложить карету и уехал в Руан. Какое это счастье — сказать кому-то, кто тебе повинуется: «В Руан!»

Первым делом в Руане я заехал в библиотеку и попросил дать мне с собой объемистый трактат доктора Германа Герештауса[13] о невидимых обитателях нашего мира в былые и нынешние времена.

Затем, садясь в карету, я хотел сказать: «На вокзал!» — но крикнул: «Домой!» — да, да, не проговорил, а крикнул так громко, что на меня оглянулись прохожие, — после чего буквально упал на сиденье, вне себя от отчаяния. Он выследил меня и снова осилил.

17 августа. — Какая ночь! Господи, какая ночь! И вместе с тем мне, пожалуй, следует радоваться. До часу ночи я неотрывно читал. Герман Герештаус, доктор философии и теогонии, весь свой труд посвятил невидимым существам, которые

[13] Примечания: 13

...объемистый трактат доктора Германа Герештауса — вымышленное сочинение.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.

в действительности либо в воображении бродят вокруг нас и так или иначе дают нам о себе знать. Он рассказал об их происхождении, о круге влияния и могущества. Но тот, кто преследует меня, вовсе на них не похож. Мне кажется, что человек, едва научившись мыслить, стал предчувствовать и бояться появления существа более сильного, чем он, своего преемника в нашем мире, и, ощущая его превосходство, но не *умея* ответить на вопрос, каков же этот новый владыка, придумал, замирая от ужаса, небывалое племя потусторонних тварей, неясных призраков, детищ страха.

Итак, до часу я читал, а потом сел у открытого окна: ночной ветерок, чуть колебля воздух, освежал мне лоб и мысли.

Было тепло, было чудесно! Как наслаждался бы я прежде такой ночью!

Безлунный сумрак. В бездне черного неба, мерцая, искрились звезды. Кто населяет эти миры? Какие создания, какие твари, животные, растения? Если обитатели этих дальних миров наделены даром мысли, знают ли они то, что нам неведомо? Способны ли на то, что для нас недостижимо? Видят ли незримое нам? Не явится ли когда-нибудь, преодолев пространство, один из них на землю, не завоюет ли ее, как некогда

норманны, переплыв море, поработили более слабые племена?

Мы, люди, так беспомощны, безоружны, так невежественны и жалки на этом вечно крутящемся комочке грязи, разведенном каплей воды!

Вдыхая ночную свежесть, я все думал и думал об этом, пока не уснул.

Минут через сорок меня вырвало из забытья странное, прежде не испытанное ощущение. Все еще скованный сном, я открыл глаза и сперва не заметил ничего необычного, но внезапно мне почудилось, будто страница раскрытой на столе книги сама собой перевернулась. Ветер к этому времени стих. Удивившись, я стал ждать. И вот не прошло четырех минут, как я увидел, да, да, увидел, что еще одна страница сперва приподнялась, а потом легла на предыдущую, словно ее перевернула чья-то рука. В кресле никто, казалось, не сидел, но я понял, что это он, он занял мое место и читает мою книгу! Одним прыжком — прыжком вышедшего из повиновения зверя — я перемахнул через всю комнату с единственным желанием схватить его, задушить, убить!.. Но тут кресло опрокинулось, точно кто-то успел отбежать в сторону… стол покачнулся, лампа упала и погасла, окно захлопнулось, как будто

ночной вор, застигнутый врасплох, выскочил из него, обеими руками ухватившись за створки...

Итак, он удрал, он испугался меня… Он — меня!

Значит… значит… не завтра, так послезавтра… или когда-нибудь еще… я смогу наконец повалить его на землю и растоптать! Не случается разве, что псы кусают своих хозяев, перегрызают им горло?

18 августа. — Целый день размышлял над этим. О да, конечно, я согнусь перед ним в три погибели, буду исполнять все его желания, все прихоти, стану тише воды, ниже травы… Он сильнее меня. Но придет час…

19 августа. — Теперь я знаю… знаю… знаю все досконально! Только что прочитал об этом в *Научном обозрении:*

«Из Рио-де-Жанейро получено любопытное сообщение. В провинции Сан-Паулу свирепствует эпидемия безумия, подобная той прилипчивой форме помешательства, которая в средние века обрушилась на Европу. Жители в ужасе *бегут* из своих домов, покидают селения, бросают на произвол судьбы посевы, утверждая, что ими, точно стадом животных, владеют, распоряжаются, помыкают незримые, но осязаемые существа, своего рода вампиры, которые высасывают из них жизнь, пока они спят, а еще пьют молоко и

воду, но ни к какой иной пище не прикасаются.

Профессор дон Педро Энрикес вместе с другими учеными медиками отбыл в провинцию Сан-Паулу, чтобы на месте изучить причины и проявления этой небывалой формы помешательства и предложить императору те меры, которые, по его мнению, в наикратчайший срок вернут разум охваченному безумием населению».

Так, так! Я отлично помню тот бразильский красавец трехмачтовик, который восьмого мая проплыл мимо моих окон вверх по Сене! Он так порадовал меня своей красотой, стройностью, белоснежностью! А на нем был Некто, чье племя зародилось в тех краях! И он увидел меня! И увидел мой дом, тоже белый! И спрыгнул с корабля на берег! Боже милосердный!

Теперь я знаю, я восстановил все звенья. Царству человека настал конец.

Он пришел, тот, кого предчувствовали охваченные первобытным ужасом наши простодушные предки, кого изгоняли заклятиями смятенные жрецы, кого непроглядными ночами пытались вызвать и так ни разу не вызвали колдуны, кого вещая боязнь временных хозяев земли облекала то в чудовищные, то в прелестные обличил гномов, духов, гениев, фей, кобольдов. Со временем

эти наивные верования, навеянные безотчетным страхом, сменились воззрениями более здравыми людей более проницательных. Его распознал Месмер, а врачи добрых десять лет назад, еще до того, как новый владыка начал воздействовать на людей, определили природу этого воздействия. И начали играть с его оружием, с той таинственной волей, которая, подавляя человеческую душу, превращает ее в рабыню. Они называли ее магнетизмом, гипнозом, внушением… каких только названий не придумывали! Я своими глазами видел, как они, словно неразумные дети, забавлялись силой столь разрушительной! Горе нам! Горе человеку! Он явился, этот… этот… как мне его назвать… этот… мне чудится, он выкрикивает свое имя, но я не могу разобрать… этот… да, выкрикивает… я напрягаю слух… не слышу… повторяет… этот… Орля! Расслышал наконец… да, да, это он… Орля… он явился!..

Ястреб пожрал голубку, волк пожрал ягненка, лев растерзал остророгого буйвола. Человек

поразил льва стрелой, мечом, порохом, а Орля одним лишь усилием воли превратит человека в то, во что человек превратил быка и коня: в свое достояние, в своего раба, в свою пищу. Горе нам!

И все-таки животное порой восстает на своего поработителя и убивает его… Я тоже хочу… и у меня достанет сил!.. Но прежде надо его распознать, потрогать, увидеть! Зрение животных, утверждают ученые, отличается от нашего, их глаза не видят того, что видим мы. Вот и мои глаза не различают пришлеца, который подчинил меня своей воле.

Почему? Как тут не вспомнить слова монаха на горе Сен- Мишель: «Мы не видим и стотысячной доли того, что существует. Возьмем, например, хотя бы ветер: нет у природы силы неодолимее, он валит с ног людей, опрокидывает здания, с корнем вырывает деревья, вздымает морские валы высотой с гору, обращает в прах утесы, бросает на рифы большие суда, он убивает, он свистит, стонет, мычит — а вы его видели? И можете ли вы его увидеть? Меж тем, он существует!»

И еще я подумал: мои глаза так несовершенны, так дурно устроены, что не различают даже твердых тел, если они прозрачны, — скажем, стекла. Пусть на моем пути поставят зеркальное стекло

без амальгамы — и я ударюсь о него, как птица, которая, залетев в комнату, разбивается об оконное стекло. Да мало ли в мире такого, что сбивает меня с толку и направляет по ложному пути! Так нечего удивляться моей неспособности увидеть новоявленное существо, к тому же проницаемое для света!

Новоявленное существо! Ну и что же! Оно не могло не возникнуть! С чего мы взяли, что нами все завершится? Да, мы, как и другие твари, созданные до нас, не видим его, но это говорит лишь о том, что оно совершеннее других существ, что его тело сработано искуснее, чем наша плоть, слабосильная и неудачная по самому замыслу, перегруженная органами, вечно изнемогающими от усталости, вечно напряженными, как слишком сжатые пружины, плоть, с трудом черпающая жизненные силы из воздуха, злаков и мяса, подобно растениям, подобно животным, одушевленная машина, подвластная недугам, уродливым изменениям, тлению, одышливая, ломкая, глупая и нелепая, изощренно-топорная, неотесанная и вместе утонченная, набросок существа, которое могло бы стать разумным, несравненным!

Мы так малочисленны в этом мире, мы все,

начиная с устрицы и кончая человеком! Почему бы и не зародиться чему-то новому, если уже истекло время, отделяющее последовательное появление разных видов?

Почему бы не зародиться еще одному? Скажем, дереву с огромными цветами, ослепительно яркими и полнящими ароматом целые округи? Или еще одной стихии, отличной от огня, воздуха, земли и воды? Их четыре, всего-навсего четыре, этих кормильцев живых существ! Какая малость! Почему не сорок, не четыреста, не четыре тысячи! До чего все у нас нищенское, убогое, мизерное! Как скаредно отпущено, впопыхах задумано, небрежно слеплено! Слон, гиппопотам — воплощение стройности! Верблюд — воплощение изящества!

А бабочка, возразите вы, этот крылатый цветок? Но я представляю себе бабочку огромную, как сотни миров, ее крылья по легкости движений, по форме своей, красоте, раскраске не имеют себе равных… Я вижу ее… Она перелетает со звезды на звезду, освежая их, овевая своим ароматом, негромко и мелодично шелестя… И обитатели тех горних миров восторженно и благоговейно следят за ее полетом!..

Что со мною делается? Это он, он, это Орля все-

лился в меня и внушает мне эти сумасбродные мысли! Он живет во мне, становится мною… Я убью его!

19 августа. — Я его убью. Мне удалось увидеть его! Вчера вечером я сидел за столом и прикидывался, будто не отрываясь пишу. И не сомневался, что он начнет бродить вокруг меня, будет подбираться все ближе, ближе, так близко, что, может быть, я смогу коснуться, схватить его… И тогда… тогда отчаяние удесятерит мои силы, я пущу в ход руки, колени, грудь, голову, зубы и задушу его, раздавлю, искусаю, раздеру в клочья!..

Я подкарауливал его, все мое существо было до предела напряжено.

Зажег обе лампы, зажег восемь свечей на камине, как будто чем ярче свет, тем легче его увидеть!

Напротив меня моя кровать, старинная дубовая кровать с колонками; направо камин, налево дверь — я долго не прикрывал ее, стараясь завлечь его, а потом тщательно запер, — за спиной высокий зеркальный шкаф; перед этим зеркалом я ежедневно бреюсь и одеваюсь, в нем оглядываю себя всякий раз, когда прохожу мимо.

Итак, я прикидывался, будто пишу, — он ведь тоже следил за мной, — и вдруг у меня появилось

чувство, нет, уверенность, что он тут, рядом, что он читает через мое плечо, почти касаясь уха.

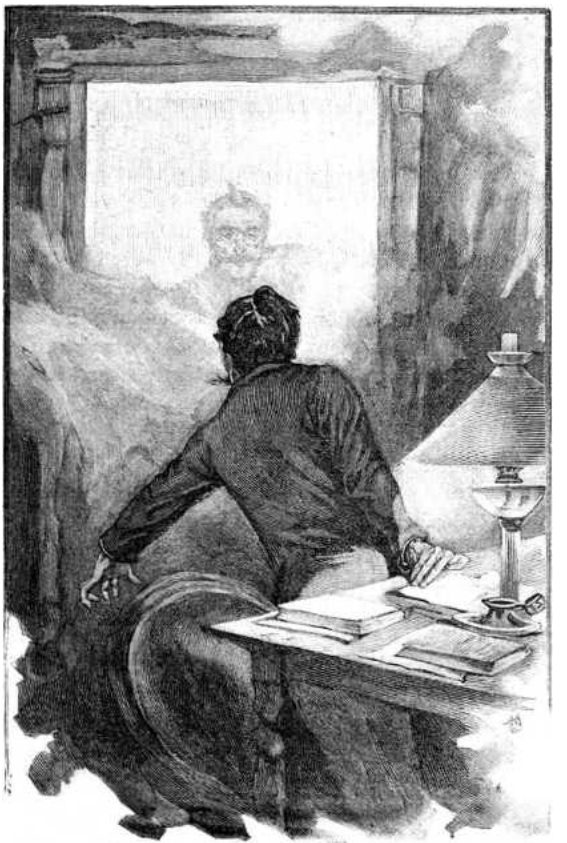
Я вскочил, протянул руки и так молниеносно обернулся, что чуть не упал. И вот… В комнате было светло, как днем, но своего отражения в зеркале я не увидел… Чистое, незамутненное, прозрачное стекло, пронизанное светом. Я в нем не отражался… хотя стоял напротив! Я видел всю его поблескивающую поверхность, дико глядел на нее и не решался сдвинуться с места, шевельнуть рукой, чувствовал, что он по-прежнему рядом, но по-прежнему недосягаем, он, незримый и все же поглотивший мое отражение!

Как мне стало страшно! И тут я вдруг начал различать себя в зеркале, сперва неясно, точно сквозь туманную дымку или, вернее, сквозь толщу воды, и эта вода медленно-медленно переливалась слева направо, и так же медленно становилось отчетливее мое отражение. Словно какое-то затмение пришло к концу. Прежде между мною и зеркалом стояло нечто расплывчатое, тускло-прозрачное, но не просвечивающее насквозь, потом мало-помалу оно начало светлеть.

Наконец, я отразился в зеркале весь и с обычной четкостью.

Я его видел! До сих пор от пережитого ужаса

меня колотит озноб.



20 августа. — Его надо убить, но как? У меня нет способа подобраться к нему… Дать яду? Он увидит, что я подмешиваю отраву к воде, к тому же подействуют ли наши яды на того, чье тело незримо? Нет… конечно, нет… Как же тогда?.. Как?..

21 августа. — Вызвал из Руана слесаря и заказал ему железные жалюзи вроде тех, что висят на окнах в нижних этажах парижских особняков: там это защита от воров. Заказал вдобавок такую же решетку на дверь. Он, очевидно, решил, что я трус, но мне наплевать!..

10 сентября. — Руан, гостиница «Континенталь». Мне удалось… удалось… Но уничтожен ли он? Я видел такое, что у меня душа содрогнулась.

Итак, слесарь навесил железные жалюзи на окна и решетку на дверь, но я не закрывал их до полуночи, хотя уже стало прохладно.

Внезапно я почувствовал, что он явился, и какая это была радость, какая сумасшедшая радость! Не торопясь, я встал со стула, долго кружил по комнате, чтобы он ничего не заподозрил, потом скинул башмаки, небрежно сунул ноги в домашние туфли, опустил жалюзи на окнах, потом ленивым шагом подошел к двери и дважды повернул ключ в замке. Вернулся к окну, запер

его на висячий замок, а ключ положил в карман.

Внезапно я ощутил, что он беспокойно снует вокруг меня, что теперь боится уже он и приказывает мне выпустить его. Я почти сдался, но все-таки выдержал характер, прислонился к двери и приоткрыл ее — чуть-чуть, ровно настолько, чтобы, пятясь, протиснуться в щель; я так высок ростом, что головой касался притолоки, и он не мог проскользнуть мимо меня, уж в этом-то нет сомнений! Я запер его в спальне, он там один, один! Какое счастье! Попался- таки в ловушку! Я сбежал по лестнице, бросился в гостиную, она как раз под спальней, облил керосином из обеих ламп ковер, мебель, что попало, затем поджег и выскочил на улицу, дважды повернув ключ в замке входной двери.

Потом я затаился в глубине сада, среди лавровых кустов. Но как тянулось время! Как тянулось! Кругом черно, немо, недвижно, в воздухе ни дуновения, в небе ни звезды, только смутные кряжи туч, и каким грузом давили мне на душу эти почти неразличимые тучи!

Я не спускал глаз с дома и ждал. Как тянулось время! Я уже начал думать, что огонь сам собою погас или что это он его погасил, Он, и в эту секунду одно из оконных стекол в нижнем этаже

лопнуло под напором пламени, и огненный язык, огромный огненный язык, оранжево-красный, длинный, мягкий и ласковый, пополз вверх по белой стене, лизнул ее всю до самой крыши. По деревьям, веткам, листве пробежали блики и вместе с ними трепет — трепет страха! Проснулись птицы, завыла собака; мне даже показалось, что рассветает. Лопнуло еще два стекла, и весь нижний этаж дома превратился в чудовищный костер. И тут крик, жуткий, пронзительный, раздирающий уши женский крик ворвался в ночь, и настежь распахнулись два мансардных оконца.

Я забыл о прислуге! И вдруг увидел обезумевшие лица, взмахивающие руки…

Ничего не соображая от ужаса, я помчался в де-

ревню с воплем: «Пожар! Пожар! На помощь! На помощь!». Навстречу мне бежали люди, и я вернулся вместе с ними к дому, я хотел все увидеть!

Но вместо дома был костер, жуткий и величественный, грандиозный костер, озарявший землю, и в нем испепелялись люди, испепелялся он.

Он, мой пленник, новоявленное Существо, новоявленный властелин, Орля!

Внезапно крыша, вся целиком, рухнула, стены поглотили ее, и огненный столп взметнулся к небу. Через все распахнутые окна этого горнила я видел плещущее пламя и думал — он там, в самом пекле, он мертв…

— Мертв? А если?.. Если его тело, проницаемое для света, не поддается тому, что убивает нас, людей?

Если он жив?.. Если одно лишь время властно над невидимым и грозным Существом? Не для того же ему дана эта прозрачная плоть, плоть неощутимая, приравнивающая его к Духам, чтобы и он, как мы, становился жертвой недугов, ранений, немощей, преждевременного уничтожения.

Преждевременное уничтожение! Вот он, источник ужаса, тяготеющего над людским родом! На смену человеку — Орля! На смену тому, кто может умереть в любой день, в любой час, в любую минуту из-за любой малости явился тот, кто встретит смерть лишь в назначенный день, в назначенный час, в назначенную минуту, встретит ее, когда исчерпает весь отпущенный ему срок!

Ну да… ну да… это ясно… он жив… И значит…

значит… мне остается одно — убить себя!..

Приложение
Ю. Данилин
КОММЕНТАРИИ К «ОРЛЯ»

Первый вариант этой повести <…> не заинтересовал читателя, но выход сборника «Орля» с этой переработанной и значительно расширенной повестью вызвал нечто вроде переполоха среди поклонников Мопассана, а некоторые из его друзей (поэт Огюст Доршен, Х. М. Эредиа, Ш. Лапьерр, Анри Ружон и др.) решили даже, что эта повесть — бред психически больного человека. Мнения читателей, однако, разделились, и у повести нашлись свои ценители, считавшие, что Мопассан только овладевает новым кругом тем, мастерски их разрабатывая.

Долгое время никто не мог понять, что, собственно, обозначает слово «Орля». Критики, писавшие о Мопассане, порой уделяли гораздо больше внимания этимологической расшифровке этого слова, чем самой повести. Слово «Le Horla» принято теперь понимать как «Le hors là», то есть «внешнее», «находящееся за пределами действительности», «потустороннее» (другими

словами, то фантастическое, что окружает героя повести).

Как оценивал свою повесть сам Мопассан? В дневнике его слуги приведены следующие слова писателя, датированные июлем 1887 года: «Я отослал сегодня в Париж рукопись „Орля“; будьте уверены, не пройдет и недели, как во всех газетах напечатают, что я сошел с ума. Но пусть говорят, что им угодно; рассудок мой совершенно здоров, и когда я писал эту новеллу, то прекрасно сознавал, что делаю. Это — фантастическая вещь; в ней много странного, она поразит читателя, и у него не раз мурашки пробегут по спине. Скажу вам, впрочем, что многие из окружающих нас вещей ускользают от нашего внимания. Когда позднее обнаруживаешь их, то искренне удивляешься, каким образом не замечал их раньше. Вдобавок наша апатия заставляет нас усматривать повсюду невозможное и неправдоподобное» (Souvenirs sur Guy de Maupassant par François, P. 1910, pp. 93–94).

Поэт Огюст Доршен, близко знавший Мопассана в его последние годы, передавал высказанное ему писателем признание о том, «что он не верит ни во что (потустороннее. — *Ю. Д.*), отрицает загробную жизнь, что он материалист и что фантастические рассказы вроде „Орля“ вовсе не

отвечают его личным переживаниям, а представляют собою только порождение холодной выдумки» (A. Lumbroso. Souvenirs sur Guy de Maupassant, Rome. 1905, p. 56).

«Выдумка» Мопассана свидетельствовала, однако, о том, что писатель поддался в «Орля» распространенным в ту пору влияниям литературы декаданса, которая стала сильно развиваться во Франции в 80-х годах; для нее характерен был уход от окружающей действительности к крайнему субъективизму, мистике, иррациональному. Не поддаваясь влияниям декаданса в своем художественном методе, Мопассан начинал поддаваться им в тематическом отношении, о чем и свидетельствует повесть «Орля».

Критик Леопольд Лакур, познакомившийся с Мопассаном в 1887 году, отметил в письме к Лумброзо, что в «Орля» проявилось «опасное влияние оккультных наук». По-видимому, это было так, и недаром различные мистики, маги и оккультисты, духовные вожди символизма и декадентства, столь обильно расплодившиеся во Франции в конце XIX века, сделали даже попытку зачислить Мопассана по своему «ведомству». Так, например, некий Жорж Виту бесцеремонно объявлял Мопассана «пылким сторонником ок-

культистских доктрин, серьезно осведомленным в этой области, хотя он никогда этого ясно и не высказывал» (G. Vitoux. Les coulisses de l'Aude là, P. 1901, p. 257).

Тему «Орля» Мопассан получил от своего друга, писателя Леона Энника. Но если тема и пришла извне, то она ответила некоторым личным настроениям Мопассана, связанным с нервным заболеванием писателя, которое с течением времени все обострялось.

Давно уже обеспокоенный состоянием своего здоровья, подмечая с обычной своей цепкой и беспощадной наблюдательностью все признаки болезни, наблюдая появление новых симптомов, вроде расстройства зрения, постоянно обращаясь к докторам, волнуясь и тревожась, писатель, помимо всех прочих жизненных интересов, стал проявлять устойчивый и напряженный интерес к болезненным процессам нервно-психической жизни и неожиданно для самого себя обрел в них новый творческий материал. Огюст Доршен совершенно основательно не верит заявлению Мопассана о том, что в «Орля» вовсе нет ничего лично пережитого.

Любопытно отметить значительную разницу между первым и вторым вариантами «Орля».

Критик П. Мартино характеризует ее следующим образом: «В 1886 г. Мопассан написал первую редакцию „Орля“ — очень холодный и сухой рассказ… В 1887 г. он переделывает этот рассказ, усложняя его данными недавно прочитанных книг о гипнотизме; он превращает рассказ в кропотливый и полный тревоги дневник, куда включает и весь опыт личных переживаний — прогрессивное развитие своих галлюцинаций и свое сопротивление им» (P. Martino. Le naturalisme français, P. 1923, p. 144). Так как тема была получена Мопассаном от другого лица, то вполне возможно, что в первоначальном варианте «Орля» она еще не срослась органически со «всем опытом личных переживаний» писателя, а это и повело к ее переработке. Не менее справедливо и указание Мартино, что материалом повести послужили также и «данные недавно прочитанных книг».

В 1885–1887 годах во Франции появилось более шестидесяти работ о неврозе, гипнотизме, внушении и навязчивых идеях. Значительную часть этой литературы Мопассан, безусловно, знал. Известно также, что в связи с «Орля» он посещал лекции профессора Шарко в Сальпетриере, посвященные болезням нервной системы.

Таким образом, далеко не одни «личные переживания» Мопассана лежат в основе «Орля», и, по-видимому, они как раз еще не были настолько выразительны и сильны, чтобы их легко было интерпретировать.

Восхищаясь тем, с какой ясностью описаны в «Орля» симптомы расстройства зрения или мания преследования, врачи, писавшие о Мопассане, видят в этом несомненное и невольное самопризнание душевнобольного. Но потому-то, повторяем, все это так безупречно и обрисовано, что художник-реалист считал себя обязанным обратиться к научным данным, чтобы составить себе безусловно точное и ясное представление о механизме душевной болезни и со всей верностью и полнотой его воспроизвести.

Укажем наконец на то, что и в творчестве, и в мировоззрении, и в ежедневной жизненной практике Мопассану были присущи реакции трезво мыслящего человека, последователя естественнонаучного материализма. В этой связи, а также в виде ответа на беспардонные утверждения Жоржа Виту полезно остановиться на следующем свидетельстве Поля Бурже:

«С 1884 г. он (Мопассан. — *Ю. Д.*) был жертвою жестоких нервных и к тому же весьма стран-

ных явлений, — пишет Бурже, — и он старался защититься от них при помощи своего ясного рассудка, который составляет лучшую часть его таланта. Я приведу доказательство, которое никогда не оглашал при его жизни… Меня извинят, если этот анекдот носит слишком личный характер. В этом гарантия его достоверности. Мы должны были отправиться вместе с Мопассаном в больницу Лурсин, где преподавал тогда доктор Мартино, личный друг Мопассана. Он зашел за мною и застал меня под впечатлением одного сна, почти мучительного по силе и яркости. Во сне я видел, как умирал один из наших собратьев по прессе, Леон Шапрон, видел его смерть и все последующие за этой смертью события, спор о его замещении в газетах, спор об условиях его похорон, — и все это с такой ужасной точностью, что, когда я проснулся, этот кошмар преследовал меня, словно какое-то наваждение. Я рассказал этот сон Мопассану, который с минуту был поражен, а потом спросил меня: „А вы знаете, что с ним?“ „Так он болен?“ — спросил я. „При смерти. Еще раз, — вы не знали этого?“ „Абсолютно нет“. И это была правда. Некоторое время мы были ошеломлены этим странным предчувствием, которому предстояло осуществиться несколько

дней спустя. Между прочим, это — единственное явление подобного рода, в котором я со своей стороны не мог сомневаться. Но я вспоминаю, что удивление Мопассана длилось недолго. „Есть какая- то причина этому, — сказал он со своей обычной былой бодростью, — и ее надо отыскать“. В конце концов оказалось, что я получил одно письмо от Шапрона недели две тому назад. Я достал его, и Мопассан, взглянув на почерк, показал мне, что некоторые его буквы были немного дрожащими. „Это почерк больного, — утверждал он, — вы заметили это, не отдавая себе отчета, вот и причина вашего сна… Нет ничего на свете, чему нельзя найти объяснение, если отнестись к этому с вниманием“» (Paul Bourget. Sociologie et littérature, P. 1906, pp. 316–318).

Столкнувшись с таким внешне иррациональным фактом, как «вещий» сон Поля Бурже, Мопассан, как видим, вовсе не устремляет свое внимание на какие бы то ни было потусторонние проблемы, а ищет «земную» причину этого факта. Такова его непосредственная реакция. И он со всей уверенностью и убежденностью находит эту «земную», материалистическую причину.

Таким образом, поддавшись в «Орля» влиянию декаданса, влиянию оккультной литературы,

беря материалом повести свои собственные переживания, подкрепленные изучением научных трудов, Мопассан не мог не подойти совершенно реалистически к разработке темы в силу всех своих особенностей материалистически мыслящего художника.

Повесть «Орля», следовательно, еще не утверждает тезиса о безусловном существовании потустороннего. Она представляет собою искусно прослеженный художником-реалистом бред психически больного человека, тончайший анализ дум, чувств и настроений рассказчика во всей смене их колебании, чередования моментов возбуждения и успокоенности, прояснения сознания и новой болезненной вспышки, борьбы здорового начала с больным.

То обстоятельство, что Мопассан подходит к теме «Орля» реалистически, явствует и из композиции повести. Читая «Орля», кажется, что как будто именно по поводу этой повести и сказал Чехов свою знаменитую фразу о ружье, которое должно выстрелить в конце рассказа, если оно мимоходом упомянуто в начале. Композиция «Орля» математически точна. Казалось бы, зачем рассказчику так внимательно описывать на первой странице великолепный корабль и

упоминать, что он из Бразилии? Но это мост к концу повести. К чему, казалось бы, пространное описание внушения, которому подверглась знакомая рассказчику дама? А это нерв всей повести. К чему слова монаха о том, что ветер недоступно видеть людям? К чему эпизод с оторванной и поднявшейся на воздух розой? Все та же подготовка тезиса о невидимке.

Композиционно повесть сделана так, что ее финал начинает подготовляться, очень осторожно и тонко, с самой первой страницы. И с этим вполне согласуются вышеприведенные высказывания Мопассана по поводу «Орля», а также указание издателя Конара, что рукопись второго варианта повести «написана почти без помарок и вполне уверенным почерком».

Мопассан мог быть больным человеком, но эта повесть *вовсе не написана больным художником*: тут спора быть не может. Тем не менее, настойчивый интерес писателя к теме «Орля», к теме невидимки, свидетельствует о начале нового этапа в творчестве Мопассана, этапа, ознаменованного кризисом реализма и усиливающимися влияниями декаданса.

Примечания

Иллюстрации В. Жюльяна-Дамази (W. Julian-Damazy), сопровождающие издание, взяты из кн. *Le Horla: Oeuvres complètes illustrées de Guy de Maupassant* (Paris: Librairie Ollendorf, 1908).

Предисловие

Впервые как статья об «Орля» в кн. *Encyclopedia of the Vampire: The Living Dead in Myth, Legend and Popular Culture* (2011). Пер. М. Фоменко. Публикуется с незначительными сокращениями.

Письмо безумца

Впервые: *Gil Bias,* 1885, 17 февраля, под назв. «Lettre d'un fou» и псевд. Мофриньёз. Пер. С. Шаргородского.

Орля

Впервые: *Gil Bias,* 1886, 26 октября. Пер. М. Столярова.

Орля

Впервые в одноименном авторском сб. *Le Horla* (1887). Пер. Э. Линецкой.

Ю. Данилин. Комментарии к «Орля»

Впервые как «Историко-литературная справка» в изд.: *Мопассан Г. де. Полное собрание сочинений в двенадцати томах.* Т. 6. М., 1958. Печатается с небольшими сокращениями.

Не разделяя в целом оценки Ю. Данилина (следует заметить, что трудно было бы в 1958 г. ожидать иного от советского литературоведа), мы тем не менее публикуем данные комментарии, содержащие немало полезных для понимания новеллы сведений.